

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 JUILLET 1938.

LES COSAQUES LIBRES

XIe Année

25 ИЮЛЯ 1938 г.

246

25 ЛИПНЯ 1938 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XI-й.

РІК ВІДАННЯ XI-й.

Ж.И. Титов

Содержание:

1. Что было в Белграде.
2. Трагедия Казачества.
3. Небольшие ошибки большой энциклопедии.
4. Молодой Краснов.
5. Думы и мысли.
6. Казачья эмиграция.
7. В Родных Краях.

Почтовый ящик:

Бельгия. Н. Б. Получено. Привет.
София. А. Л. Получено. Привет.
Ромба. И. Б. Получено. Журнал посылается исправно.
Привет.
Десин. В. Ф. Получено. Спасибо. Привет.
Монсо. А. Щ. Получено. Привет.
Бельфор. С. Г. Получено. Привет.
Мальмо. А. Т. Не можем рассчитывать на чужие суды.
Наши вопросы решатся не в судах. А если нам
нужны будут суды, то только свои, казачьи. Привет.
Крезю. С. Получены. Журнал высылается. Привет.

Ищу казачку или украинку.

Казак, вдов, имеющий девочку 10 лет, ищет ка-
зачку или украинку 35-40 лет. Можно вдову с одним
ребенком. Имею сбережения.

Ответ послать через редакцию «ВК».

ПОПРАВКА:

РОЗЫСК:
Феоктист Яковлевич **Борисов** просит отозваться
Ивана Мартыновича **Борисова**, а также — станичников
(ст. Романовской, хутора Рынка, ВВД).

Адрес: F. Borison, osada Tomaszowka, poczta Wlo-
dawa II, Pologne.

В № 243, на стр. 23, в отделе «ВК в Польше» сле-
дует исправить: вместо: Я. Погожев надо читать **М. По-
гожев**, а вместо Ф. Кокорин — следует: **Ф. Какорин**.

От Походного Атамана ВК.

I.

ОКРУЖНЫМ АТАМАНАМ ВК ОКРУГОВ.

Чтобы не было расхождений или несогласованности между моими распоряжениями и таковыми окруж-
ных атаманов, окружные атаманов все свои распоряжения, инструкции, циркуляры и обращения к организациям
своего Округа, имеющие политический или вообще общий характер, должны представлять предварительно мне
и рассылать потом лишь одобренный мною текст.

II.

СТАНИЧНЫМ, ХУТОРСКИМ И КУРЕННЫМ АТАМАНАМ.

Сведения о численном или ином каком состоянии ВК станиц, хуторов, куреней и групп не могут быть вы-
даваемы никому, кроме меня или окружных атаманов.

Походный Атаман ВК И. БИЛЫЙ.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

«ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА»

ч. IV.

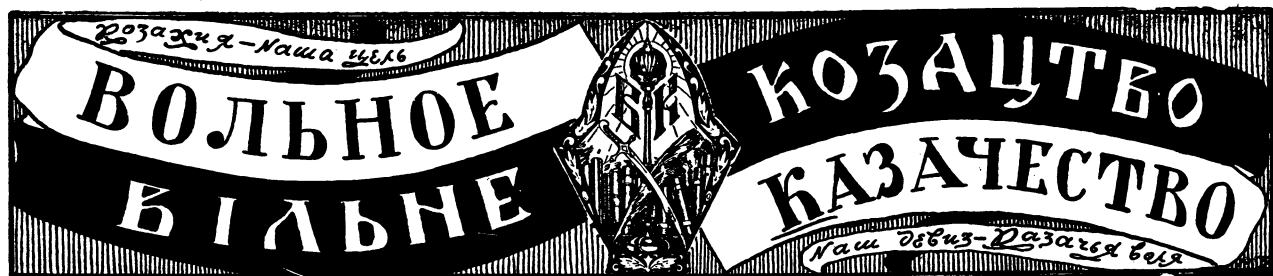
Цена — 1 ам. доллар. Во Франции временно 30 франков
(потом — тоже будет 1 доллар).

В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ ЖУРНАЛ ВЫЙДЕТ ОДИН РАЗ ДВОЙНЫМ НОМЕРОМ.

РЕДАКЦИЯ.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 246

Понедельник 25 июля 1938. — Понеділок 25 липня 1938.

№ 246

Что было в Белграде

(Окончание).

Воскресенье 6-го февраля. Целый день лежу на полу. Хлеб получил, но есть его не хочу... Две ночи не спал, но не хочется и спать, — очевидно, нервы взвинчены...

К вечеру вызывают вниз. Ведут прямо в комнату экзекуций. Там — несколько человек, среди них Губарев и Космаяц.

Губарев в явно хорошем, праздничном настроении. От Космаяца несет алкоголем...

— Скажите, Вы действительно не имеете никакого отношения к покушению на Солоневича? — издевательски лукаво встречает меня Губарев.

Так вот оно что, думаю! Так вот за что били меня вчера первый раз!.. Так вот в чем я должен был признаться вчера Космаяцу!.. Так, конечно, они могли и убить меня, а я так бы и не додумался, за что...

Значит, — мелькают дальше у меня в голове мысли с быстротой молнии, — им здесь совершенно безразлично, за что бить меня, — лишь бы бить.

Губарев ходит по комнате. Потом берет со стола какую-то связку бумаг.

— Вы социал-демократом были? — обращается он снова ко мне.

Молнией ударило в голову: Кудиновская прокламация! (Я не знал еще в то время, что Кудинов просто перепечатал гнусное «произведение» Федорова-Соламахина).

Только теперь мне стало ясно, на чем и какие построила белградская полиция против меня «обвинения».

Далее следует ряд вопросов: Работал ли я в Польше с Гнилорыбовым? Участвовал ли на кубанской конференции с Бычем в Праге? Был ли членом Кубанской заграничной (парижской) делегации и украл ли у нее деньги?..

— Как это Намитоков отнял у Вас украденные Вами деньги? — насмешливо спрашивает меня Губарев.

Ответами моими Губарев интересуется мало. Видно, что ему просто доставляет удовольствие издеваться надо мною.

Потом вдруг решает: «Лучше будет, если Вы свое показание напишете сами».

Приказывает одному из своих подчиненных дать мне карандаш и бумагу, а мне говорит:

— Многое будет зависеть от того, что и как Вы напишете. В Ваших интересах особенно не отпираться, а то можете остаться здесь 6 месяцев, а может быть и 9... Здоровье мы Вам все же немного здесь попортим... а там видно будет — может выбросим за границу, а может... вообще останетесь здесь... Жаль все же, что вас там всех не теревешал Деникин... Мы, к сожалению, связаны формальностями...

Поворачивается и уходит.

Чиновник, которому Губарев поручил дать мне карандаш и бумагу усаживает меня за стол напротив себя.

Что же писать? — думаю. — Если бы они поставили мне ряд конкретных вопросов, дело было бы ясное. А так «вообще» писать в таком случае трудно. И чувствую, что эту трудность создают они мне намеренно...

Начинаю все же писать — кто я и что я. Пишу весьма медленно, с трудом владея нервами...

Все разошлись, остался только мой чиновник и г. Космаяц, которому, как вижу, нечего делать, и он ходит туда — сюда...

Потом слышу из коридора (двери все открыты), как г. Космаяц кому-то наказывает привести к нему Букина.

Слышу в коридоре шаги. Космаяц располагается с Букиным через две или три комнаты. Разговора их не слышу.

Проходит полчаса, а может быть и больше. Хлопают двери. По коридору удаляются какие-то шаги, а в «нашу» комнату входит возбужденный Космаяц.

— Билый, ты умрешь, ты отсюда не уйдешь!..

Молчу. Пишу...

Несколько нервных шагов по комнате и — снова в коридор. Слышу:

— Приведите Дмитренко!

Слышу, как приводят Дмитренко.

Слов не разберу, но слышу и чувствую, что разговор у К. с Д. уже не такой ровный, как с Б.

Потом слышу — бьет Дмитренко, слышу, как падает что-то тяжелое...

Все силы свои трачу на то, чтобы владеть собой...

Пишу еще медленнее...

Шум в коридоре... Через некоторое время слышу удаляющиеся шаги — уводят Д. наверх...

А в «нашу» комнату влетает разъяренный Космаяц...

— Билый, ты умрешь, как только кончишь писать! Все равно, правду или неправду напишешь, — поймешь в сутеррен (под землей!)... Я достаточно силен, чтобы исполнить то, что сейчас говорю — живым ты отсюда не выйдешь!..

На этом месте не выдержал чиновник, приставленный ко мне Губаревым на время писания. Вскочив (мне показалось, что он сам испугался, как бы Космаяц не начал приводить в исполнение свою угрозу немедленно), он не сказал, а крикнул мне:

— Конец! На сегодня — конец!..

Отбирает у меня исписанный уже лист и поспешно ведет наверх...

Постучав наверху в двери, он глубоко вздохнул... Значит, у них нет единодушия по «моему вопросу», — думаю...

Вхожу в «свой» каземат. Растягиваюсь на своем пальто... Итак — смертники!..

Еще раз оглядываю самым тщательным образом стены, пол... Нет, никаких средств, никаких возможностей кончить самому с собою раньше, чем будет кончать со мною Космаяц, кругом меня нет...

И эту третью ночь не сомкнул я глаз... Поминутно заглядывали жандармы...

— «» —

Наутро (в понедельник 7-го февраля) вызывают меня вниз рано, часов около 10. Но уже по выражению пришедшего за мной агента чувствую какую-то перемену. И ведет он меня не в правую половину здания, как то было до сих пор, а в левую. Чиновник, приставленный ко мне на время писания мною «показаний», тоже стал иным — в лучшую для меня сторону. Словом, чувствую иной, не похожий на вчерашний, «климат».

Сажусь и продолжаю писать. Чиновник старается втолковать мне (по сербски), что мое писание дело не спешное, что я могу писать не спеша, но только писать должен «все». Когда устану, могу отдыхать, когда захочу есть, могу идти наверх...

Пишу несколько часов. В обеденное время иду наверх (в надлежащем сопровождении, конечно), хотя есть там у меня и нечего (да все еще и не хочется мне есть), а для того, чтобы мой «наблюдатель» мог пойти на обед...

«После обеда» снова ведут меня вниз. Продолжаю писать.

Приходит Губарев — тоже иной, без враждебности...

Советует писать мне все подробно: «Что Вам стоит соснаться, — ведь все это никуда не попадет, останется у нас в архивах, а для Вас в данном случае может быть только польза, может облегчить и нашу задачу в облегчении судьбы Вашей... Я возьму с собой Вами уже написанное, — если Вы пишете так, как я Вам вчера советовал, то я сделаю представление своему шефу, чтобы Вам изменили тюремный режим к лучшему... Ведь, мы, собственно говоря, ничего против Вас не имеем, это чешская и французская полиция прожужжала нам уши относительно Вас»...

Берет исписанные мною листы и уходит.

Значит, — думаю, — «перемена климата» — это только маневр. Чего бы это ради чешская и французская полиция жужжала в губаревские уши, если она имеет возможность, если бы только ей это нужно было, «жужжать» непосредственно по адресу... Я окончательно пришел к убеждению, что у них никакого «материала» нет, кроме анонимной прокламации, рассылавшейся Кудиновым, что им нужно мое собственное признание в чем либо, что и могло бы послужить потом против меня обвинительным материалом. Конечно, с точки зрения Губарева и его единомышленников, самое страшное мое преступление это то, что я **самостийник, сепаратист**. Но, с точки зрения законов Югославии, с точки зрения формальной, этого мало для судебной или иной ликвидации ненавистного им казачьего националиста...

Пишу до вечера. Потом — новая бессонная ночь...

— «» —

На следующий день (во вторник) вызывают снова рано — часов около 9. Но уже по одному виду «посыльного» вижу, что снова все повернулось ко мне «спиной». Внизу снова все лица сухие, враждебные...

Очевидно, — думаю, — не понравилась г. Губареву то, что я писал вчера и позавчера...

Пишу «до обеда», пишу и «после обеда»...

К вечеру начали сказываться четыре бессонных ночи и все пережитое за первые три дня. Устал...

Решил кончать свое «показание». Пусть ставят конкретные вопросы, тогда буду и отвечать конкретно. Помню и угрозу Космаяца и решаю оставить намеренно некоторые вопросы без ответов — пусть спрашивают дополнительно. Надо «тянуть» — не все же поверят всей той провокации, найдутся и такие, кто захотят защищать меня извне, раз меня отрезали от всего мира и наотрез отказали мне в связи с ним...

Заявляю чиновнику, что я устал и потому кончаю, но если им что еще нужно, пусть спрашивают.

Чиновник понимает плохо меня, а я так же плохо его.

Прошу свидания с Губаревым, чтобы сказать и ему — пусть ставят дополнительно конкретные вопросы. Отвечают: через час.

Иду, вернее — меня «идут» наверх.

Проходит час, другой, третий... Никого...

Кладу хлеб под голову и ложусь. Первый раз засыпаю...

Часто будят жандармы неожиданными заглядываниями (а все двери открываются там весьма громко)...

— «» —

Проходит день, другой, третий... Снизу — никаких вестей...

Каждый день, как и всем остальным, дают мне хлеб, но есть его не могу. Есть мне там первые дни вообще не хотелось, но страшно хотелось — и все время хотелось — чая с лимоном...

Решаю, что хлеба «ихнего» есть не буду. Если, думаю, они действительно уже решили не выпустить меня больше отсюда, то все же лучше кончить мне самому... Если же это все «игра» с целью вырвать у меня «признания», если на ликвидацию меня они не пойдут, тогда через некоторое время они сами начнут меня «поправлять»...

Главная моя задача теперь, решаю, это тянуть как можно дольше, отсрочить выполнение «их» решения, если оно ими принято уже. Тянуть, пока не придет помощь извне... Догадываются же казаки взять адвоката!..

Чтобы сохранить силы, стараюсь побольше лежать неподвижно...

На всякий случай, в духе своем готовлюсь ко всякому «решению»...

Не раз приходило на ум: **вот пришла и моя очередь...** Действительно, поймали... Но, не за личные же грехи мои какие, а за Казачье Дело...

«Утешение»: Казакам останутся 237 номеров журнала. Главное уже там сказано...

— «» —

В субботу 12-го февраля заставили меня вымыть пол в моей камере. Вечером, вдруг, входит кто то в штатском, кого я не видел ни до, ни после потом, — осматривает бегом меня и каземат. Поворачивается молча и уходит, а через минуту меня переводят в холдную камеру 4.

Кто помнит те дни, тот припомнит, что вечером 12 февраля в Белграде начались холода, продолжавшиеся по крайней мере неделю. Холодная вообще (жандармы говорили, что она холодная и летом), камера № 4 стала еще холоднее. Маленький радиатор центрального отопления фактически не нагревался сам, а, следовательно, не мог и греть никого и ничего. Камера 4 состоит из двух совсем малых казематов, соединяющихся дверью (снятой), но один из них темный, без окна. Грязи и пыли там оказалось далеко больше, чем их было в № 8... К моему счастью, там оказался кусок старой кокосовой рогожки, на котором я и лежал потом, положив хлеб под голову и прикрываясь пальто. Все же, как я ни мудрился, пальто мое не могло прикрыть меня всего и всегда какая нибудь часть тела оставалась неприкрытой и мерзла... Потом уже один из жандармов сказал мне, что пальто мое все же спасло меня...

Сидел я (вернее — лежал) в 4-ом номере до пятницы 18-го февраля. В этот день меня снова перевели в № 8-ой. (На этом «пути» и встретились мы с Н. М. Дмитренко). Здесь ожидал меня приятный сюрприз: старый, грязный, с дырками, соломенный матрац. Но, все же, матрац! А кроме того — снова тепло...

Голода я попрежнему большого не испытывал, но пить хотелось все время, хотелось теплого чая...

Надоедали мыши... «Откупался» от них, накладывая целые горки хлеба перед их дырками...

Силы мои постепенно уменьшались...

19-го февраля рано утром заставили меня выносить парашу и мыть пол в ее помещении... Едва-едва дотянул эту работу. Возвращаюсь в «свою» камеру.

Закружилась голова. Едва успеваю опереться о стену... Мой вид вероятно смутил жандарма, подвел он меня к водопроводу. Выпил я кружку воды, намочил лицо... Несколько часов потом лежал неподвижно навзничь. Отошло... Больше на такие работы меня не брали...

В воскресенье вечером (20-го февраля) меня начинает лихорадить. Поднимается температура... Снова бессонная ночь. В понедельник — жар... Прошу у жандармов аспирина. Говорят, что нет...

К счастью, следующей ночью жар начал спадать, а под утро я заснул.

Проснулся я еще более ослабленным. И первый раз за все то время у меня появился страх, как бы я не ослабел окончательно. В этот день, 22 февраля, я три раза начинал грызть сухой хлеб... Принуждал себя это делать, но — ничего из этого так и не вышло: застревад мне в горле их хлеб...

— «» —

24-го февраля (в четверг) снова вызывают вниз. «Вид» посыльного агента не предвещает ничего доброго. Ведет он меня прямо к Губареву.

Начинается «допрос». Губарев «убеждает» меня, что для меня сейчас (т. е. тогда) единственное и самое главное, это — сохранить жизнь и здоровье. А для этого надо только не отпираться и сознаться «во всем»...

— Все равно мы все знаем, — уверяет он, все время заглядывая в какую то связку бумаг, писанных на машинке по сербски. — Все равно Ваша политическая карьера кончена, — «внушает» он мне.

— От кого же Вы все это знаете? — спрашиваю.

— От наших заграничных агентов.

Я уже знаю, какими они источниками пользуются, но подавать виду, что знаю их «агентов», не хочу. Я считался тогда с возможностью «предания ими меня суду» и приберегал такие разоблачения для суда... Какой бы ни был суд, но пользоваться анонимками он не может, — думал я.

— Скажите, — спрашивает Губарев, — брат Вашей жены в Праге имеет собственный дом?

Я так и не мог понять, виновен ли был я перед Губаревым в том, что брат моей жены ни в Праге, ни в другом каком месте не имеет своего дома, или я был бы виновен, если бы он такой дом имел. И только после, в Париже уже, я прочитал в Федоровско-Соламахинской прокламации (никем все же не подписанной), что в этом не существующем доме брата жены моей я «имел встречу с Крикуном».

(Если люди так безбожно лгут в том случае, когда их «утверждения» можно легко проверить, то как же нагло лгут они тогда, когда такая проверка дело не такое легкое!).

— Виделись ли Вы с Крикуном в Болгарии?

— Нет.

— А Вас там с ним видели.

— Кто?

Молчание.

Я едва сижу. В горле пересохло. Облизываю языком сухие губы...

— Зачем приехали в Югославию? — пересказывает Губарев с вопроса на вопрос.

Говорю, зачем приехал в Югославию.

Губарев все время что то пишет, но что именно, не знаю. Вижу только, что пишет по сербски.

— Когда еще Вы были в Белграде?

— В 1935 году.

— А тогда зачем приезжали?

Отвечаю.

— Вы ездите к нам со шпионскими целями, — перебивает он меня.

И опять не знаю, допрашивает он меня, или издевается. Нужна ему правда от меня, или ему от меня нужно то, что он сам от меня хочет иметь... Думаю, что издевается, думаю, что ему нужно мое «признание», а «решение» у них вопроса о моей судьбе уже готово...

Вместо ответа на его последний вопрос, спрашиваю у Губарева:

— Скажите, в чем же выразилась эта моя шпионская деятельность, что сделал я «шпионского» в Югославии?

Ответ получил классический:

— Не сделали ничего потому, что не успели сделать...

Длинный, утомительный (для меня), нудный «допрос», но бесполезный... Вижу, что Губареву доставляет просто удовольствие любоваться моей беспомощностью... Не допрашивает, а душу отводит...

Еще и еще раз настойчиво советует мне Губарев «сознаться» в том, что служу большевикам, что я агент энной державы...

— Вас видели в полпредстве в Париже, видели в полпредстве в Праге, видели в полпредстве в Варшаве, — продолжает Губарев.

— Сразу в трех? — не сдерживаюсь я.

Делает вид, что меня не слышит.

— Что Вам, собственно, нужно от меня, когда Вы меня спрашиваете: нужно, чтобы я говорил правду, или чтобы лгал? — спрашиваю я Губарева.

Пишет и снова делает вид, что мои вопросы его не интересуют.

— Лгать не буду, клеветать сам на себя не буду, — заявляю я.

— Какова цель ВК движения? спрашивает Губарев.

— Освобождение Казачества и самостоятельное казачье государство.

— А знаете, что такую проповедь вести у нас нельзя?

— Почему же нельзя? — ведь мы же не касаемся никаких и ничьих дел, кроме своих казачьих...

— А зачем Вам кубанские регалии? — снова пересказывает он на другой вопрос.

— Кубанские регалии мне не нужны.

— А для чего же Вы хотели их увезти?

— Как увезти? Куда увезти?

— Бросьте отвечать на все запирательством. Вы же говорили Курганскому, что имеете намерение забрать регалии из Югославии и переправить их в Чехию. А там недалеко и до Советской России...

С Курганским я виделся и говорил, но ни он, ни я не касались вопроса о перевозке регалий куда бы то ни было.

И снова стал мне ясен «метод» Губарева: Билому говорить, что Курганский уже сознался, сознаваясь и ты, а Курганскому говорить, что Билый уже сознался, сознаваясь и ты...

Я пишу «протокол», т. е. то, что и как было, думая, что читатель и сам поставит естественные, «недоуменные» вопросы: А какое, собственно говоря, дело сербской полиции до судьбы кубанских регалий? Почему, с точки зрения сербских полицейских властей, нельзя казаку с казаком поговорить о своем казачьем? Почему казакам грех (с точки зрения Губаревых) искать свою казачью национальную дорогу, а разным Соламахиным не грех, а даже поощрительно (опять таки с точки зрения Губаревых), тянуть их на чужое раздорожье? Почему... И т. д., и т. д.

— Вы знаете, что Кокунько старый, что он выжил из ума, что он уже ни к чему не способен, а Курганский... Впрочем, зачем, собственно Вам нужно было видиться с Кокунько и Курганским?

В это время раздается телефонный звонок. Кто-то где-то ждет Губарева...

«Допрос» прерывается и меня ведут наверх. Обесилел, ноги заплетаются...

— «» —

Наверху ведут меня снова в новую камеру (без номера), окном во двор. Такая же грязная, но более просторная и теплая (большой радиатор). Тюфяк тоже есть, хотя и еще более разбитый...

«Устраиваюсь» на новом месте...

Анализируя сегодняшний «допрос», прихожу к убеждению, что, значит, решили они поддержать меня обещанным уже Губаревым 6 или 9 месяцев. А может быть будет и суд.. Суда не боюсь, но боюсь «ожидания» суда, боюсь этих 6 или 9 месяцев, — не выдержу...

Стараюсь побольше лежать. Сделаю несколько туров из угла в угол (шесть шагов) и снова ложусь на два-три часа...

— «» —

В субботу, 26-го февраля опять ведут меня к Губареву вниз.

И опять повторяется та же история, что и в чет-

верг. Опять Губарев толкует мне, что меня должен заканчивать сейчас только один вопрос: как спасти жизнь и здоровье. Для этого надо только сознаться...

На этот раз он ничего не пишет, но смотрит на меня с еще большей ненавистью и ненависти этой не скрывает.

— Мы Вас даже выпустить не можем, потому что первые Вас убили бы здесь казаки...

— Я казаков не боюсь...

На этот раз все «мелкие» темы и вопросы отброшены. «Допрос» (или скорее разговор) ведется сначала около двух — службы советам и агентуры энной державы, — а потом только около этой последней темы.

— Ваша работа, Ваше ВК — это только прикрытие Ваших личных корыстных целей, — уверяет меня Губарев.

Новое подтверждение того, — думаю, — что единственным источником их «информации» является литература наших «оппозиционеров».

— Хотите спасти свое положение, — предлагает Губарев, — скажите правду. Никто, кроме нас, знать этого не будет.

— Я говорю Вам правду. Не верите, дайте мне газ (недавно открытый в Америке), заставляющий людей говорить правду.

— У нас есть свои средства на то, — перебивает Губарев.

— Все равно, лгать не буду, клеветать на себя не буду.

— Посмотрим, — бросает мне с ненавистью Губарев. — Кожу сдеру! Да, да — кожу сдеру, а добуюсь...

— Я знаю, что я здесь ничего не могу ждать для себя хорошего, отвечаю ему с такой же ненавистью...

На этом «допрос» кончается. Губарев дает знак сидящему здесь же агенту отвести меня наверх. Тот поднимается и берет меня за грудь, точно собираясь не уводить, а выбрасывать меня из губаревской комнаты.

— Не надо! — говорит ему Губарев.

Агент выпустил меня из рук... Поддерживает под руку и ведет наверх...

— «» —

Итак, похоже на то, что они меня действительно решили не выпустить отсюда... Похоже на то, что действительно пришла «моя очередь»...

Обстановка все же для меня глупая и не выгодная: «они» могут говорить потом все, что угодно. Не только ликвидируют, но и опоганят...

Впрочем, чем хуже будут говорить, тем менее им будут казаки верить... Ведь, все «обвинения» их против меня так легко проверить — стоит только захотеть... Тем более, что вся моя жизнь, вся моя деятельность — на виду, ничего тайного...

— «» —

К вечеру — снова вызов. И — о, ужас! — на пороге караульного помещения меня ждет г. Космаяц... Значит, действительно будут кожу сдирать...

Берет он меня под руку и сводит в нижний этаж. Не выпуская руки, ведет в комнату Губарева. Кажется, что во всем этаже, кроме нас двух, никого... — При- знак нехороший...

Введя в комнату, указывает на стул. Сажусь.

Космаяц достает из под стола хлыст.

— Билый, я тебя все равно добую...

Молчу. В духе своем приготовился ко всему...

Космаяц вертит передо мною хлыстом, как бы любясь им.

Потом, вроде как для доказательства доброго качества хлыста, сильно бьет им по столу.

— Я тебя еще не бил им? — издевается К. надо мною.

Молчу.

Космаяц встает и берет с небольшого столика в углу какие то бумаги. Кладет их передо мной. Вижу — целая пачка печатных на машинке листов (по сербски).

Держа в одной руке хлыст, Космаяц другой рукой указывает: тут!

— Что это? — спрашиваю.

Цедит что-то сквозь зубы.

Не понимаю.

— Тут пиши! — повторяет.

— Что это?

— Показание. Пиши!

Мне уже все равно. Но я все же стараюсь прочитать хотя бы чтонибудь, стараюсь уловить содержание хотя первых строк...

Космаяц нетерпеливо с силой бьет хлыстом по столу: Пиши!

Выхода нет. Думаю: если в этом моем «показании» неправильна одна какая либо запятая, оспорить ее будет трудно. А если здесь написано все так, как хотел того Губарев, все равно никто не поверит... Никто же не поверит, чтобы кто либо добровольно подписал сам себе смертный приговор...

Космаяц сует мне в руку ручку. Подписываю.

Снимает первую страницу. Подписывай вторую!

Потом — третью, четвертую... Не помню — семь или восемь страниц.

Потом в таком же порядке копии: первая, вторая...

— Тоже не помню: четыре или пять...

Выступает холодный пот на лбу: что же я все таки подписал?..

Космаяц берет меня под руку и ведет наверх...

В камере не нахожу себе места... Будет продолжение сегодня или завтра?

Из моего решетчатого окошка, выходящего во двор, мне видны окна нижнего этажа. Там — свет... Значит, возможно и сегодня...

Несмотря на овладевшую мною после столь продолжительного голода и волнений физическую слабость, встаю и смотрю, есть ли еще в нижнем этаже огонь...

И только поздно вечером, когда потух в нижнем этаже огонь, растянулся я на своем грязном тюфяке: значит, не сегодня...

— «» —

На следующий день (в воскресенье 27-го февраля) вызывают вниз довольно рано. Иду с настроением: все равно — сегодня или завтра... Ведут в комнату Губарева.

Вхожу и вижу необычную для меня картину: в комнате около стола стоят два какие то очень хорошо одетые джентельмены. Впечатление у меня получилось такое, будто они только что кончили какое то совещание с Губаревым. Кто они были, не знаю, знаю только, что были они не тамошние, не из полиции, а вероятнее всего из какого нибудь министерства. Ни один из них не проронил ни слова. С любопытством разглядывали меня и слушали лаш разговор с Губаревым. Сам Губарев изменился за ночь радикальным образом — одна любезность...

— Вы что едите? — встречает он меня.

— Ничего.

— Что хотите есть? — продолжает самым дружелюбным тоном.

— Ничего. Пить хочу...

Я сразу понял: значит, откуда то пришла помощь. Значит, дальше не один Губарев уже будет распоряжаться моей судьбой, а это значит — спасение. Плохо было, пока я находился в полном и бесконтрольном распоряжении Губаревых и Космаяцов... Теперь где-то что-то изменилось, иначе Губарев не пел бы передо мною таким тоном...

— Что хотите пить?

— Чай! Дайте чая с лимоном.

— Хорошо! А есть что будете?

— Ничего, дайте сначала чай.

— Правильно, после стольких дней голодовки нельзя сразу есть. А может быть хотите все же немного бульона?

— Хорошо, только немного.

Губарев здесь же отдает приказание своему подчиненному (тому самому, который меня арестовал и вчера только хватал за грудь...) пойти немедленно в ресторан и заказать чай — сейчас и на вечер, а днем — чашку бульона. А к чаю непременно полфунта свежего масла!..

Губарев одевается...

Меня снова ведут наверх, но обращение уже не то.

Возвращаюсь в камеру Перемена!.. Охватывает волнение...

Приносят чай — поллитра горячего чая с лимоном и масло...

.....

Потом каждое утро регулярно являлся один из подчиненных Губарева и спрашивал, что я хочу сегодня на обед, что на ужин?

Пища хорошая. Немного, но для меня тогда было совершенно достаточно, — больше все равно не съел бы...

Потом начали приносить и пирожное. Я понял: чтобы поскорее толстел...

—«»—

Так прошел день, два... Неделя, другая. Кормят меня, но ничего не говорят.

Думаю разное: похоже на то, что в судьбе моей произошло какое то изменение к лучшему. А там, кто ж его знает, может просто пока откармливают...

Хотя на отношение к себе жандармов (стражи) я не мог особенно жаловаться и раньше, но теперь заметно явное улучшение отношения с их стороны — тоже хороший признак.

Но, все же — ничего не говорят, как долго это будет продолжаться. Кормят и молчат...

Начали восстанавливаться силы. Но, куда их девать?

По временам возвращалось ко мне пессимистическое настроение, но разум снова гнал прочь плохие мысли: если бы замыслили что худое, так бы не обрашались теперь...

В один из дней вызывают вниз. Ведет чиновник и дорогой говорит мне что то утешительное, что я скорее почувствовал, чем разобрал. Ведет налево в комнату № 14. Там ждет Космаяц.

Снова «екнуло» нехорошо у меня около сердца...

Космаяц предлагает что то подписать.

Минуту колеблюсь. Чиновник старается растолковать мне, что «это ничего, это протокол личного обыска при аресте»...

Так как этот чиновник лучше всех из всех подчиненных Губарева относился ко мне (это он спас меня 6-го февраля от Космаяца), — я поверил. Подписал.

Сейчас же вернули меня наверх. Тот же чиновник дорогою наверх говорил мне что-то по сербски, что я понял в том смысле, что мне уже не долго осталось сидеть там...

—«»—

Днем 16-го марта вызывают вниз и ведут к Губареву. Любезен.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вот что, г. Билый. Вы, конечно, понимаете, что Вы не можете у нас оставаться. Сегодня или завтра я получу от своего шефа окончательное решение Вашего вопроса. Мы Вас наверное вышлем. В какую страну хотите выехать?

Называю страну... В душе — новая надежда... Но, — сдерживаю себя...

— У нас есть два способа отправить Вас на границу: один — этапным порядком от города к городу, путь длинный. Другой — отправить с кем нибудь из чиновников в штатском в поезде до границы, но Вы должны будете оплатить ему дорогу.

Я охотно соглашаюсь на последнее.

— Я еще поговорю с Вами после обеда, — говорит мне Губарев и поручает своему подчиненному снова отвести меня наверх.

Итак, сегодня или завтра!..

Но, жандармы наверху уже знают, что сегодня и не скрывают этого от меня...

—«»—

Хожу из угла в угол... «После обеда» давно уже прошло... Я все же «не сдаюсь», но время от времени приходит на ум: а что, если на границе?.. А что, если

Космаяц и в самом деле всемогущ и попробует там исполнить свою угрозу?..

Наконец, в 6 часов вечера вызывают вниз «с вещами»... Снова — к Губареву.

— Сегодня мы Вас отпускаем. Вот этот чиновник поедет с Вами до границы...

Здесь же лежит мой чемодан. Наскоро здесь же привожу себя в порядок... Спускаемся вниз. Вот и улица... Свобода? — или...

Прежде всего — к парикмахеру... Правду сказать, немного я даже испугался, когда увидел сам себя в зеркале — сорок дней моя голова не видела гребенки, а борода бритвы...

После парикмахера — в ресторан, а оттуда — на вокзал... Покупаю газеты — первые после сорокадневного перерыва — и узнаю первые новости...

До поезда еще много свободного времени. Идем в соседнее кафе. Мой «проводной» весьма любезен... Для всякого постороннего — мы просто два спутника и только...

Но вот мы и в поезде. Прощай, Белград!..

В поезде проверка не только билетов, но и документов...

Через час все купе спит. Спит и мой вожатый... Не до сна только мне... За окном чудная лунная ночь и — бескрайная степь. Не смотрю, а глотаю ее...

Несмотря на все «благоприятные» признаки, внутри себя я все же все время «настороже»...

—«»—

Два часа ночи. Граница. Пограничные формальности...

Прощаюсь со своим «спутником». Отказыывая, жандарм любезно возвращает мне визированный паспорт.

Отлегло...

Поезд медленно движется через границу...

Я вздыхаю полной грудью: избавление и свобода!..

Походный Атаман ВК И. Билый.

—«»—

П. С. И там еще, в Белграде, и теперь, когда я оглядываюсь мысленно назад, часто встает передо мною вопрос: почему меня арестовали 4-го февраля только вечером, почему арестовали последним? Ведь, как никак, я был главным действующим лицом белградского «действия»...

Знала ли полиция, где я? — По моему, знала.

И мне кажется, что меня намеренно арестовали последним — в надежде, что, может быть, я, узнав о первых арестах, попробую «бежать»...

Такое «подозрение» возникло у меня еще 4-го февраля...

Но я сразу сообразил, что «бежать» в тех условиях, это значило — признать за собою вину наперед. Я представлял себе хорошо, что значит, быть схваченным «при попытке к бегству»...

Попробовав бежать, я бы дал и лишний аргумент полиции против уже арестованных казаков...

А главное, я не чувствовал за собою никакой вины перед Югославией...

Счастье мое (если вообще можно говорить в этом случае о счастье) было и в том, что в момент ареста я не был один, что арест произошел при свидетеле. Кто его знает, чем и как кончился бы мой арест, если бы около меня не было в тот момент А. П. Черно-го... Возможно, что «они» намеренно арестовали сначала всех тех, кто со мною соприкасался, чтобы оставить меня одного...

И. Б.

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ У.

(Апрель-ноябрь 1920 г.).

ГЛАВА XIII.

Десант на Кубань. Ошибка Врангеля в оценке повстанческого движения на Кубани. Какие сведения имел штаб Врангеля о силах красных на Кубани перед посылкой десанта. Имел ли возможность Врангель послать на Кубань большие силы при условии одновременного удержания им Северной Таврии. Состав и расположение советских войск на Кубани во время высадки десанта. План десантной операции. Высадка у Приморско-Ахтарской. «Дух» красных и десантных частей. Воззвание Улага. Бои 1-6 августа. Занятие казаками Брюховецкой, Тимошевской, Поповичевской, Староджерелиевской...

Десантные операции из Крыма на Кубань в августе 1920 г. представляют исключительный интерес во многих отношениях. Кубань, как и иные Казачьи Области, в 1917-1920 г. г. прошла лабиринтом весьма сложных и запутанных взаимоотношений Казачества, и каждого Войска в отдельности, с русским «белым» движением.

Припомним некоторые факты. Революционные события в России выдвинули тогда на первый план целый ряд больших вопросов и до крайности обострили методы их разрушения: монархическая, демократическая и советская система государственного и общественного устройства и управления; земельный, иногородний и национальный вопросы в Казачьих Облациях; отношение к России, к республикам других различных народов, провозгласившим свою государственную самостоятельность; централизм, децентрализация, автономия, федерация, самостоятельность, сепаратизм; капиталистическая, демократическо-капиталистическая и социалистическая формы хозяйственной и культурной жизни...

Естественно, подобные вопросы не только волновали, но и делили Кубанцев на борющиеся между собою группы.

Как ни тяжело было положение Кубани, приступившей к внутреннему переустройству и в то же время принужденной вести навязанную ей войну, все же подавляющее большинство казачьего населения упорно отстаивало тот основной принцип, что **источником высшей государственной власти на Кубани является воля самого населения, выраженная через выборную Кубанскую Краевую Радугу**; что самому населению, а никому иному принадлежит право установления основных линий внутренней и внешней политики Кубанского Края.

На этом принципе были построены основные законы Кубани — Конституция, Земельный закон, Положение о Кубанской армии и т. д.

Однако, казацкие представители в Крыму — Атаманы и Правительства четырех Казачьих Войск — отказались от защиты этого принципа и источником государственной власти на Казачьих Землях признали волю Врангеля. Все важнейшие вопросы, связанные с организацией и посылкой десанта на Кубань, решал Врангель: он поставил военные, политические и экономические цели для десанта, подобрал высший командный состав, определил время и место высадки его...

Все командные должности были заняты людьми, преданными Врангелю и России. Кубанские генералы, полковники, есаулы, сотники и т. д., которые на Кубани не были довольны работой Радуги, теперь активно поддерживали политику Врангеля и весьма охотно взялись за работу, им данную.

Поэтому десант на Кубань был чисто русским делом. Десант преследовал исключительно русские цели. Руководители его были русские люди по своему духу, по своим убеждениям. Рядовые казаки шли за своими командирами. Одна цель и одна воля объединяли всех.

Кубанские самостийники в Крыму ни в какой степи

не мешали Врангелю и его кубанским помощникам в осуществлении их планов и намерений. Как последние тучки рассеянной бури, безвредные больше для дела «белых», одинокие голоса кубанских самостийников раздавались лишь в далеком Тифлисе и в некоторых столицах западно-европейских государств.

Разными путями доходили в Крым сведения о том, что недовольство Кубани советской властью достигало уже крайних пределов напряжения, что не только горы и предгорья, но и равнинная часть Кубани к августу покрылись повстанческими отрядами.

(Вышеприведенные уже большевистские и врангелевские данные об этом повстанческом движении дополним еще некоторыми данными о повстанцах именно в той части Кубани, куда Врангель направлял свои десантные отряды.

«В самой Кубани — на равнине, по сведениям к 1(14) августа, имелось наличие следующих крупных банд, преимущественно в полосе, прилегающей к Азовскому и Черному морям», говорят большевистские данные:

1) полк. Сухенко — 800 чел., 2 пулемета, 1 траншейное орудие — в районе Привольной, около лиманов Горький и Сладкий,

2) полк. Скакуна — 150 человек при 70 винтовках — в плавнях,

3) полк. Цыганка — 60 чел. — у лимана Чубургульского, что между станицами Петровской, Гривенской и Староджерелиевской,

4) есаула Милько Колейникова(?) — 100 штыков, 60 сабель — в районе ст. Полтавской,

5) полк. Поддубного — 500 чел., 3 пулемета — у посада Черноморского,

6) Короленко — 300 чел., 2 пулемета — в районе ст. Гостоговская — сел. Натухаевское.

7) три отдельных банды в районе Ахтырская-Эриванская-Холмская — под общим командованием полк. Тайхорова(?).

«Мелкие банды исчислялись десятками и заполняли все плавни и камыши приморской полосы» (Сборник трудов военно-научного общества при Военной Академии. 1921. Книга I, статья И. Подшивалова: «К истории ликвидации врангелевского десанта на Кубани в августе 1920 г.», стр. 160).

Понятно, что подобные сведения о политическом состоянии Кубани весьма радовали организаторов десанта и наполняли их сердца радужными надеждами. В самом деле, это бурное антибольшевистское движение кубанских казаков можно было объединить, организовать и повести к победам над ненавистными пришельцами с севера.

Врангель и его кубанские попутчики верили, что кубанские повстанцы, после всего пережитого, снова пойдут на борьбу за Россию.

Трудно найти объективное объяснение для таких взглядов. Ведь к тому времени прошло уже три года, как казаки вели борьбу за свои казачьи идеалы. Сам ген. Врангель в конце 1919 г., как уже было отмечено, писал ген. Деникину в письме: ... «Единственное знамя, которое может быть еще соберет их (казаков)

вокруг себя, может быть лишь борьба за права и вольности Казачества; и эта борьба в лучшем случае ограничится очищением от врага Казачьих Земель» (очерки «Трагедия Казачества», ч. IV-я).

После того «белые» погубили Донскую армию у Новороссийска, а Кубанскую — у Сочи. Могла ли казачья масса так скоро забыть это предательство?! Могла ли она так легко оставить борьбу за права и вольности казаки и пойти опять на борьбу за единую и неделимую Россию?!

Казачество, хотя и ненавидело большевиков, хотя и боролось против них с оружием в руках, но, хорошо зная Врангеля по его предыдущей деятельности на Кубани, не могло пойти за ним. А между тем Врангель, посылая десант на Кубань, надеялся в Кубанских казаках найти свой резерв. Врангель верил в то, что население Кубани активно, всеми силами поддержит его акцию (его «Записки», ч. 2-ая, стр. 135).

Словом, русские «белые» в 1920 г. собирались повторить то, что им удалось в 1918 г., когда Кубано-добровольческие объединенные силы в июне месяце двинулись в победный поход с Дона на Кубань. Но, тогда во главе Кубанцев с Дона шло Кубанское Правительство Быча, которому верили казаки; тогда вместе с войсками шла Кубанская Законодательная Рада во главе с популярным на Кубани Н. С. Рябовым; тогда Кубань была прикрыта с севера Дном... А, что самое главное, Кубанские казаки в 1918 г. еще не знали, что в действительности несут с собою «белые» вожди и какими путями они идут к своей цели.

И особенно удивительно то, что Врангель, все свои надежды возлагая на Кубань, собираясь даже именно туда перевести главный очаг борьбы, в то же время делал все, чтобы оттолкнуть Кубанцев от себя: Кубанцы самих себя считали хозяевами Кубани, а Врангель навязал им свою власть; они боролись за волю и свою государственность, а он снова хотел тянуть их на Москву; они верили своей Раде, а Врангель посылал к ним чрезвычайно непопулярного, особенно на Черномории — районе высадки десанта, — ген. Филимонова...

Врангель думал, что, если ему удалось принудить в Крыму Кубанского Атамана Букретова 2-го апреля, а потом и председателя Кубанского Правительства и исп. обяз. Кубанского Атамана инж. Иваниса 22 июля подписать «договор» о признании своей власти, то ему, Врангелю, также легко удастся заставить всю Кубань подчиниться своей воле. Но, ведь, Врангель и его единомышленники, собиравшиеся прибрать Казачество к своим рукам, должны были понимать, почему ген. Букретов пошел тогда на такой проступок перед Кубанью: сам Букретов пояснил, что он и с чертом подписал бы договор, лишь бы спасти Кубанскую армию от голода. Ведь и действительное отношение инж. Иваниса к себе Врангель оценивал так, что самого Иваниса не пустил на Кубань с главными десантными силами, руководимыми ген. Улагаям.

Готовясь к организации такого чрезвычайно важного, весьма ответственного и очень рискованного предприятия, как посылка десанта из Крыма на Кубань, штаб Врангеля через посылаемых на Кубань разведчиков стремился собрать сведения, как о политическом настроении населения, так и о силах и расположении находившихся там частей красной армии.

... «Сведения о противнике сводились к следующему: в районе Новороссийска-Таманского полуострова — 22-я советская дивизия; на Тамани — бригада этой дивизии с кавалерийским полком; в районе станции Крымская-Гостоговская — бригада 9-й советской дивизии; остальные части этой дивизии перебрасывались по железной дороге на север в район Ростова, видимо для борьбы с действовавшим на Дону партизаном полк. Назаровым. К северу от Таманского

полуострова до самого Ейска побережье наблюдалось лишь слабыми частями 1-й кавказской кавалерийской дивизии (дикий), штаб которой располагался в станции Брюховецкой» («Белое Дело», журнал, т. УТ-й. Записки Врангеля, стр. 138).

Имея такие сведения о противнике, ген. Врангель считал, что успешные действия десанта могут быть вполне обеспечены, если на Кубань будет направлено из Крыма всего около пяти тысяч штыков и сабель... «Принимая во внимание крупные отряды повстанцев, численность наших войск лишь немногим уступала противнику», говорит Врангель (там же). И далее продолжает: «Означенные сведения давали основания рассчитывать, что при условии соблюдения должной скрытности и быстроты, высадку удастся произвести почти беспрепятственно. В дальнейшем, двигаясь по родным местам, среди сочувствующего населения и присоединяя к себе многочисленные повстанческие отряды, войскам удастся захватить самое сердце Кубани — Екатеринодар и, прежде нежели красное командование успеет собрать значительные силы, очистить от красных северную часть Кубанской области» (там же).

Приведенные выше общие данные Врангеля о силах советских войск в западной и северной части Кубани и рассуждения его о возможности очищения от красных северной части Кубани «прежде нежели красное командование успеет собрать значительные силы», бесспорно указывают на то, что он был уверен в том, что в этих районах Кубани находились только названные им 22-я стрелковая дивизия, бригада 9-й советской дивизии и 1-я кавалерийская дивизия.

В заключение этих своих предположений, основанных на сопоставлении силы десантных войск с силами красных частей, против которых придется действовать десанту, Врангель говорит: «По занятии Кубани, как указано было выше, я намечал, оттянув войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус и, обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области» (там-же).

—«—

Выше уже было отмечено (глава XI-я), что к 1-му августа части только IX-й красной армии на Кубани были доведены до 30.000 штыков, 4.125 сабель, 711 пулеметов и 157 орудий. Присмотримся теперь более внимательно к тому, какими силами обладала красная Москва именно в тех местах, о которых говорилось в вышеприведенных рассуждениях Врангеля.

Во-первых, отметим, что из доступных нам военно-исторических трудов советских исследователей видно, что красное командование считало наиболее вероятным районом для высадки и действий ожидаемого из Крыма десанта Таманский полуостров и прилегающий к нему берег Черного моря в районе Анапы-Новоосийска. Во-вторых, а) чрезвычайно усилившееся к середине лета 1920 г. повсеместное повстанческое движение на Кубани, б) значительные успехи повстанцев в Баталпашинском, Лабинском и Майкопском отделах (глава IX-я), в) появление десанта полк. Назарова на Дону (гл. XII), г) ожидание сильного десанта в пределах Кубани и д) стремление советской власти любой ценой удержать в своих руках Кубань, с такими трудами и жертвами добытую, и не допустить, чтобы там вновь вырос сильный антибольшевистский фронт, все это, вместе взятое, принудило советскую власть во второй половине июля значительно увеличить и без того большие силы советских войск в Кубанском Крае.

К 1-му августа, т. е. ко дню начала высадки главной десантной группы ген. Улагая у ст. Приморско-Ахтарской, в пределах Кубани несомненно находились следующие красные части (для удобства рассмотрения поставленного вопроса и для большей наглядности приведем данные по районам):

... Международная обстановка сложилась так, что европейская демократия оказалась в одном стане с большевиками и русские «демократы во что бы то ни стало», покорно следуя за своими западными руководителями, вынуждены в той или иной степени стоять за Сталина... Подавляющее большинство демократического лагеря (русской эмиграции. Ред.) принадлежит поэтому к «оборонцам»...

(В. Е. Татаринов. «Знамя России», № 7-8, июль-авг. 1938).

В районе Новороссийска-Анапы-Таманской-Темрюка-Крымской:

				орудий	
22-я стр. дивизия:	5.500 шт.,	450 шашек,	166 пул.,	28 лег.,	4 тяж.
26-я бриг. 9-й стр. д.:	2.000 „	200 „	43 „	8 „	— „
Части, подч. 22-й д.:	2.726 „	— „	67 „	4 „	11 „
всего	10.226 шт.,	650 шашек,	276 пул.	40 легк.	15 тяж.

Приморско-Ахтарская — Брюховецко-Роговская:

2 роты	200 шт.		?	пул.,	?	оруд.
1-я Кавк. кавал. див.	200 „	1.000 „	50-60 „		12 „	
всего	400 шт.	1.000 шашек,	50-60 пул.		12 оруд.	

Побережье Ейского отдела: Ясенская-Камышеват.-Должанская-Ейск:

Разные части:	1.600 шт.	?	шашек,	40 пул.,	4 л.,	2 тяж
всего	1.600 шт.	?	шашек,	40 пул.,	4 л.,	2 тяж.

На узлах железных дорог:

Отд. бригада при штабе IX-й арм.						
Екатеринодар:	2.500 шт.	—	шашек,	30-40 пул.	12 оруд.	
2-я Дон. стр. дивизия в районе Тихорецкой:	5.000 „	100 „		96 „	16 „	
9-я стр.: 25 и 27 бригады, штаб в Уманской:	3.500 „	400 „		90 „	16 лег.	— тяж.
Таманская отд. кавал. бригада ..	100 „	189 „		7 „	4 „	
Приуральская образц. стр. бриг. Семашко, штаб в Староминской: ..	5.000 „	400 „		40-50 „	12 „	
Кавалер. бригада 14-й стр. див. Кавказская:	— „	500 „		30 „	4 „	
всего	16.100 шт.	1.589 шашек		293-313 пул.	64 оруд.	

Против повстанцев Баталпашинского, Лабинского и Майкопского отделов:

34-я и 14-я стрелк. и 12-я кавал. дивизии и мелкие части: ..	9.683 шт	1.91 шаш.	385 пул.	76 оруд.		
всего	9.683 шт.	1.91 шаш.	385 пул.	76 оруд.		
Бронепоездов на Кубани: шесть			83 пул.	16 оруд. лег.	4 ор. т.	
Авиация: 19 самолетов.						
Воздушные отряды: 5 аэростатов.						

А всего:	38.009 шт.	5.140 шаш.	1.139 пул.	212 оруд. лег.	21 ор. т:	
Из этого только в северной и западной части Кубани	28.326 шт.	3.239 шаш.	754 пул.	136 оруд. лег.	31 ор. т.	

(А. Голубев. Врангелевские десанты на Кубани стра- ницы: 29, 30, 53, 61, 157-158, 161-164).

Таким образом, только в том районе, о котором говорит Врангель в своих рассуждениях о тех условиях, которые «встретит» десант на Кубани, красное командование имело: 31.500 бойцов, 750 пулеметов и 157 орудий.

Как сильно отличались данные врангелевской разведки от действительного состояния советских сил на Кубани!

Сверх того, следует помнить, что советские войска на Кубани фактически могли быть еще усилены а) за счет резервов главнокомандующего вооруженными силами Советской России и б) за счет X-й и XI-й советских армий, расположенных на Кавказе.

—«—

Если в первоначальной стадии развития десантных операций на Кубани Врангель послал туда явно недостаточные силы, имел ли он возможность потом путем посылки новых частей из Крыма на Кубань, увеличить силы десанта до таких размеров, которые бы надежно обеспечивали успех предпринятой операции?

Совершенно основательно Врангель считал северную Таврию житницей Крыма и поэтому, понятно, стремился удержать ее в своих руках. Между тем, XIII-я советская армия, действовавшая на Крымском фронте, не прекращала делать значительные усилия с целью разбить Врангеля. Выше было подчеркнуто, что Врангель, чтобы получить возможность снять с фронта 1-ю Кубанскую конную дивизию ген. Бабиева и Терско-Астраханскую бригаду для включения их в десант на Кубань, предпринимал в боях с 12-го по 20-е июля, при помощи этих частей, нанес поражение левобережным частям XIII-й сов. армии.

Однако, и это новое поражение красных войск не заставило советскую власть и красное командование

отказаться от мысли о необходимости разгрома своего крымского противника.

Большевики непрерывно усиливали XIII-ю армию все новыми и новыми пополнениями. «К 1-му августа (19 июля) эта армия имела в своем составе 9-ть стрелковых (1-ю, 3-ю, 15-ю, 23-ю, 40-ю, 46-ю, 51-ю, 52-ю и Латышскую) дивизии и 1-ю кавалерийскую бригаду, общей численностью в 33.713 штыков, 1.497 сабель и 247 орудий. Из остатков корпуса Жлобы (разгромленного казаками в июне 1920 г.) и новых кавалерийских частей была сформирована 2-я Конная армия в составе 2-й, 16-й, 20-й и 21-й кавалерийских дивизий. Около 1-го августа (19 июля старого стиля) эта армия имела 4.000 бойцов, 136 пулеметов и 31 орудие (Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. Военно-историческая библиотека. Н. Ефимов: Действия 2-й конной армии в 1920 г., стр. 77).

В составе XIII-й и II-й Конной красных армий на 19 июля (1 августа) было 33.317 штыков, 5.497 шашек, 278 орудий.

Таким образом, красные имели на этом фронте 39.000 бойцов при 278 орудиях против 24.500 бойцов при 178 орудиях своего противника.

Сосредоточив на правом берегу р. Днепра сильную ударную группу в составе 51-й, Латышской, 52-й и 15-й стрелковых дивизий, большевистское командование 25-го июля бросило эту группу на левый берег Днепра у Хавовки, Корсунского монастыря и у Алешек с целью разбить находившийся там 2-й корпус ген. Слащева — и двинуться далее на Перекоп — с целью ворваться в Крым.

В то же время 2-я конная армия должна была энергично наступать из района города Орехова «в об-

щем направлении на Михайловку, обходя укрепленную линию Большой Токмак-Мелитополь (там же, стр. 42). Остальные силы XIII-й советской армии (3-я, 1-я, 46-я, 23-я и 40-я стрелковые дивизии и бригада курсантов) должны были поддержать наступление 2-й конной армии между р. Днепром и Азовским морем.

В первый же день боев на р. Днепре большевики сумели переправить у г. Бериславля на левый берег р. Днепра Латышскую и 52-ю стрелковые дивизии и прочно занять Каховку, а 15-я стр. дивизия переправилась у Корсунского монастыря. Все попытки ген. Слащева вытеснить красных из Каховки 25-го июля не увенчались успехом, при чем, действовавшая в этом районе 13-я пехотная дивизия армии Врангеля в боях «потеряла не менее половины состава» и «боеспособность частей (этой дивизии) значительно понизилась» (Врангель, 2, 141).

В течение 26 июля красные закончили переправу войск у Каховки. «Переведя на левый берег Днепра тяжелую артиллерию и части конницы, противник, развернувшись на широком фронте», говорит Вангель, «повел наступление на юг, пытаясь охватить оба фланга нашей пехоты» (там же).

Завязались упорнейшие бои. 28-го июля красные достигли линии сел Дмитриевка-Зеленый Пад-Черненко, т. е. отнесли части Врангеля от левого берега Днепра верст на 20-25.

Дальнейшее продвижение красных к Перекопу задержалось благодаря давлению на их левый фланг конной группы ген. Барбовича, состоявшей из 1-й Конной, 2-й кавалерийской и 2-й Донской казачьей дивизий и Алексеевского военного училища, сосредоточившейся в районе Серагоз.

30-го августа эта конная группа ударила красной пехоте во фланг и тыл. Совместными усилиями конницы ген. Барбовича и 2-го корпуса ген. Слащева, противник был отброшен с большими потерями на Каховку.

В ночь под 31-е июля 13 пехотная, 2-я конная и 2-я Донская казачья дивизии и юнкера Алексеевского училища атаковали у Каховки укрепленную позицию красных. Но «наша пехота успеха не имела; части понесли значительные потери; особенно тяжелы были потери в частях конницы» (Врангель, 2, 143).

На рассвете 31-го июля была произведена новая атака на Каховку и вновь она была отбита. Та-же судьба постигла и еще одну атаку, произведенную в 9 1/2 часов утра.

«Длвшийся весь день (31 июля) бой закончился новой неудачей, причем наши части вновь понесли большие потери; противник оказывал отчаянное сопротивление... За эти дни (с 25 по 31 июля) красные успели сосредоточить на каховском плацдарме сильную группу пехоты: Латышскую, 51-ю и 52-ю стрелковые дивизии и 6 четырехорудийных батарей... (там-же).

«В районе Корсунского монастыря противник окончательно был разгромлен частями 34-й, 2-й Донской и 2-й конной дивизий. Одновременно два батальона 34-й дивизии при поддержке (Донских) казаков заняли «Казачьи Лагери» и Алешки»...

Вот как сам ген. Врангель оценивает значение укрепления большевиков на левом берегу Днепра у Каховки: «Удержание противником Каховского тет-де-пона приковывало к этому участку значительную часть наших сил, создавало угрозу нашему левому флангу в наиболее чувствительном для нас перекопском направлении» (там-же, 144).

...«Располагая Каховкой (70 верст от Перекопа, прим. Ред.), мы в любой момент могли обрушиться на тыл Врангеля, главные силы которого смотрели на Александровск и Донбас», говорят большевики.

В то время, как происходили эти бои у переправ через нижнее течение р. Днепра, на северном фронте, «на участке Б. Токмак-Васильевка шли непрерывные ожесточенные бои. Сосредоточив 2-ю конную армию, 1-ю, 3-ю и 46-ю стрелковые дивизии, пополненные коммунистическими частями и бригадой курсантов, противник делал отчаянные попытки прорвать наш фронт».

«Атаки красных неизменно отбивались доблестными частями 1-го корпуса ген. Кутепова, однако, последние понесли огромные потери. Некоторые полки

были сведены в батальоны. Особенно велики были потери в командном составе» (там-же, 142).

И далее: ... «1-й корпус ген. Кутепова продолжал отбивать ожесточенные атаки красных, в прямом смысле истекая кровью» (там-же, 143).

Со стороны большевиков в этом районе действовали две ударных группы: а) 2-я конная армия и б) группа начальника 46-й дивизии (1-я, 46-я, 42-я стрелк. дивизии). На правом фланге, вдоль железной дороги Александровск-Мелитополь, наступала 3-я стр. дивизия, а на левом — 40-я стр. дивизия.

Большевистские данные тоже говорят о том, что бои, происходившие 26-го июля-2 августа (8-15 августа по нов. ст.) на фронте Б. Токмак-Васильевка, отличались значительным упорством и сопровождались большими потерями с обеих сторон. В этих боях, наряду с частями Корниловской, Дроздовской и Марковской дивизий, **особенно отличалась Донская казачья бригада** (вышеупомянутая работа Н. Ефимова, стр. 42-50).

Эти тяжелые и упорные бои на Крымском фронте, как в районе Каховской переправы через р. Днепр, так и на северном участке фронта, естественно, не давали возможности Врангелю выделить новые части для отправки на Кубань с целью усиления посланного туда десанта. Помощь десанту на Кубани Врангель мог бы оказать только при условии оставления его войсками Северной Таврии и ухода за Крымские перешейки.

Из вышеприведенных данных о распределении и силах красных частей на Кубани видно, что побережье азовского моря в районе станиц Приморско-Ахтарской, Ясенской, Камышевской и Должанской защищалось слабыми большевистскими частями. Об этом хорошо были осведомлены в Крыму.

От берега Азовского моря у ст. Приморско-Ахтарской на юго-восток тянется сравнительно узкая равнинная полоса от 15-ти до 30-ти верст шириною, прикрытая с севера Ханским озером, Бейсугским лиманом, Лебяжьим лиманом и плавнями между этими двумя лиманами, далее рекою Бейсуг; с юга эта полоса земли прикрита Кирпильским лиманом и плавнями по нижнему течению р. Кирпили и еще далее на юго-восток рекою Кирпили.

Станицу Приморско-Ахтарскую с Екатеринодаром связывает Черноморско-Кубанская железная дорога длиной всего 130-140 верст. У станицы Тимошевской эта железная дорога пересекает главную магистраль той же дороги.

С этого же полуострова, образуемого берегом Азовского моря, Бейсугским и Кирпильским лиманами, на северо-восток, на восток и на юго-восток ведут грунтовые дороги, связывающие между собою богатейшие и многолюдные — от 10 до 15 тысяч населения — кубанские казачьи станицы Ейского, Кавказского, Екатеринодарского и Таманского отделов.

Все эти обстоятельства подсказали организаторам десанта совершенно правильное решение вопроса о выборе места для высадки главной группы десантных войск, отправлявшейся на Кубань под командою ген. Улагая.

Естественно, выбор пал на район ст. Пирморско-Ахтарской.

Рядом с этим решено было высадить на берегу Черного моря, между городами Анапой и Новороссийском, вспомогательную десантную группу, «в целях демонстрации совместно с действовавшими в этом районе повстанцами» (Врангель, 2, 137).

Войска, предназначенные для десантов, были собраны в г. Феодосии и в Керчи, где производилась посадка их на суда.

«Дав генералам Улагю и Драценко (командующий группой и начальник его штаба) общие указания», говорит Врангель, «указав задачу и наметив те силы и средства, которые по обстановке я мог дать им для выполнения задачи, я предоставил им самостоятельно разработать план операции, распределить войска, указать войскам частные задачи, наладить снабжение, поручив генералу Шатилову (помощник ген. Врангеля) лишь общее наблюдение. В дальнейшем, будучи всецело поглощен вопросами государственными и руководством войск на северном фронте, я мало

вникал в выполнение порученной мной генералам Шатилову, Улагая и Драценко задачи. Это было с моей стороны, как показали события, «крупной ошибкой» (там-же).

Почему же то обстоятельство, что непосредственно работая по подготовке десанта заведывали генералы Шатилов, Угалай и Драценко, Врангель считает «крупной ошибкой»? Сам Врангель дает на этот вопрос следующий ответ: ... «Уже прибыв в Феодосию на посадку войск 29-го июля, я мог убедиться в этом. Огромный штаб ген. Улагая, помимо своей громоздкости, производил впечатление совершенно не организованного, собранного, видимо, из случайных людей, между собою ничем не спаянных. Громадный тыл неминуемо должен был обременить войска... Теснота при посадке была невероятная. Огромное число беженцев-кубанцев потонуло за войсками. По доношению ген. Казановича, мальчики юнкера падали в обморок от духоты. По данным флота, было погружено 16.000 человек, 4.500 коней, при общей численности войск в 5.000 штыков и шашек. Все остальное составляли тыловые части и беженцы. Менять что-либо было уже поздно».

Один русский патриот, фон-Дрейер, по тому же поводу говорит: «Кубанская операция, правильно задуманная в принципе, была не серьезно подготовлена, несвоевременно и с недостаточными силами начата, без талантливого управления и потому заранее обрекалась на неудачу. Только русское «авось» могло заставить крымское командование приступить к ее выполнению». (Крестный путь во имя родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом. 1918-1920. Берлин. 1921).

«Небольшой, сравнительно, в численном отношении десант, состоявший из кубанских казаков и юнкерских училищ, имел громаднейшие обозы с целым сонмом совершенно не нужных для такого предприятия людей, с беженцами — стариками, женщинами и детьми» (Г. Раковский. Конец белых. От Днепра до Босфора, стр. 121).

Интересно отметить здесь то, как большевики оценивают посадку десантных войск на суда и следование их к месту высадки: «Опыт и подготовка к посадкам, стройжайшая дисциплина, тщательно продуманный порядок и техника посадки дали возможность произвести последнюю без каких бы то ни было недоразумений и задержек».

«30 июля (12 августа) суда с группой ген. Улагая вышли из портов на «рандеву» в Азовское море. При расчете следования морем были приняты во внимание: необходимость быть перед пунктами высадки с рассветом 1/14 августа и движение в темноте (поздно вечером и ночью) через Керченский пролив, где фарватер проходит в 1-1 1/2 км. от Таманского берега, занятого красными. При исполнении этого маневра учитывался опыт июньского десанта ген. Слащева»...

«Несмотря на широко распространенные слухи о подготовке десанта, район высадки частей, особенно ударной группы, Врангелевской ставке удалось скрыть до последнего времени даже от крупных войсковых начальников. О местах высадки части и их командиры узнали лишь поздно вечером 31 июля (13 августа), когда в Азовском море соединились суда, вышедшие из Феодосии и Керчи, и были вскрыты секретные пакеты».

«Районы десантов маскировались от красного командования одновременной посадкой и выходом из Керчи судов группы Улагая и судов ген. Черепова, а раньше-усиленным курсированием судов в этих районах. После соединения в Азовском море суда с частями группы ген. Улагая, под конвоем военных кораблей, шедших несколькими километрами севернее, направлялись к району Приморско-Ахтарская. Отряд же ген. Черепова получил задачу обстрелять ночью части красных, расположенные у Анапы».

«Нужно отдать справедливость белому командованию, что сосредоточение к пунктам посадки, самая посадка, проход через Керченский пролив и следование морем были им организованы весьма искусно и прошли незамеченными для красного командования. Между тем последнее вело деятельную воздушную и

агентурную разведку. 29 июля (11 августа) самолеты IX-й армии, возвращаясь с разведки, бомбили Керченскую гавань и Брянский завод (возле г. Керчи). 31 июля (13 августа) они были над обоими портами, не обнаружив ни в том, ни в другом ничего подозрительного (оперсводки штаба на 11-14 августа. Голубев. Вранг. дес. на Кубани, стр. 49-50).

Не менее интересную по своей объективности оценку самой высадки десанта находим в советских источниках. «Полностью удалось Врангелю скрыть и район высадки главных десантных сил. Несмотря на осведомленность IX-й армии о предстоящей десантной операции на Кубань, группа ген. Улагая высадилась в наиболее уязвимом и наиболее неожиданном для нее (IX-й армии) месте».

«Рано утром 1/14 августа суда ген. Улагая появились перед Приморско-Ахтарской и после короткого артиллерийского обстрела порта и станицы приступили к высадке. Конвоировавший группу отряд военных судов, став против Ясенской переправы в 15-16 км. от берега и выслав в разведку миноносцы на Мариуполь и Ейск, обеспечили высадку, как от неожиданного появления красных флотилий, так и от переправы красных частей на Ясенскую косу с целью флангового удара по высаживающемуся противнику».

«Высадка началась у х. Верещагинского (7 км. севернее Приморско-Ахтарской). Первыми, между 8-ю и 9-ю часами, на песчаной отмели, в 2 км. от берега, высадились сводно-гренадерский батальон и офицерская рота Алексеевского полка. Заняв беспрепятственно хутор, батальон, поддержанный огнем с судов, повел наступление на ст. Приморско-Ахтарскую, в обход ее с северо-востока, пытаясь отрезать находившиеся здесь две роты красного батальона. Последние, не приняв боя, вместе с местными советскими организациями поспешно отошли на Ольгинскую, потеряв не только соприкосновение, но и наблюдение за противником» (там-же).

Таким образом, и большевики признают, что погрузка десантных войск, отправка морем, выбор места высадки и начало высадки были осуществлены весьма успешно. В этом отношении деятельность командного состава и бойцов заслуживают самой высокой оценки.

—«»—

О количестве и расположении советских войск на Кубани к моменту высадки десанта было сказано выше. Что касается «духа» красных частей, в большевистских источниках по этому поводу находим такие данные: «Состояние частей IX-й армии к моменту высадки десанта рисуется в следующем виде: 1-я кавалерийская дивизия, которой пришлось принять на себя первые удары главных сил десанта, была недостаточно боеспособной. Сформированная частью из перебежчиков деникинской армии, частью из зеленых и частью из местного казачества, она проявляла некоторые колебания. Так в июле «группа красноармейцев в числе 60 человек взбунтовалась, обстреляла штаб своего полка, застрелила комиссара и скрылась в горы». Дивизия отличалась слабой постачковкой политработы среди красноармейцев. Бездействие военкомдива и начподива вынудили РВС армии арестовать их обоих и предать суду».

«Немногом лучше обстояло дело в 22-й и 34-й стрелковых дивизиях. Наличие в них большого процента бывших зеленых ослабляло их боеспособность. Частые случаи дезертирства, грабежа и насилия привели Начпукво к выводу, что дивизии «носят несомненно признаки разложения» (статья Н. Бирюкова: Политическое обеспечение разгрома Врангеля, помещенная в сборнике: Разгром Врангеля. Москва. 1930. Стр. 116).

Другой большевистский автор по тому же вопросу говорит: «Успеху десанта весьма способствовали: разбросанность красных частей по Кубани, плохая связь и неуверенное управление, а также растерянное состояние духа красноармейцев, предрасполагавшее к нерешительности и паническому боям» (выщелитированная статья И. Подшивалова, стр. 166).

И, наконец, приведем мнение третьего красного автора: «Качественное состояние частей IX-й армии было пестрым. Наиболее боеспособными являлись части 22-й, 2-й Донской, 9-й и 34-й стрелковых дивизий,

в большинстве имевшие боевой опыт, сложившийся кадр командного состава и старых бойцов. Эти части были годны и для стремительного наступления и для обороны. Близко к ним по состоянию духа подходила бригада штарма IX-й. Менее боеспособной была недавно сформированная Черноморская бригада (расположенная в Черноморской губернии, прим. Ред.). Что касается Приуральской стр. бригады, то, несмотря на свой большой численный состав (5.000 бойцов), она обладала низкой боеспособностью. Наспех сформированная в Приуральском военном округе, она состояла, главным образом, из необстрелянной и слабо обученной молодежи последнего призыва (другие источники называют эту же бригаду «образцовой товарища Семашко», прим. Ред.).

«Из кавалерийских частей наиболее боеспособными были кавалерийские бригады стрелковых дивизий (22, 34, 14), вполне сложившиеся старые части.

«Состав 12-й кавалерийской дивизии был слаб численно и измотан тяжелой борьбой с бело-зелеными бандами в горных районах.

«1-я кавалерийская дивизия, сформированная наспех в конце 19-го года, в начале 20-го года была брошена на юго-восточный фронт во время отступления противника и почти без боев прошла до Кубани, не успев создать боевых кадров (цит. раб. Голубева, стр. 33).

В предыдущей главе были отмечены мероприятия советской власти для противодействия десанту. Приведенное пополним еще некоторые данными. Большевики, как это было у них обыкновением, обратили весьма большое внимание, как на пропаганду среди населения, так и в войсках, как овиох, так и противника.

Политический отдел IX-й армии еще перед прибытием десанта проводит «неделю борьбы с Врангелем». Задачи этой «недели» сводились к тому, чтобы вскрыть классовое лицо врангелевщины перед красноармейцами и особенно перед населением. Поарм (полит. отдел армии) совершенно правильно», говорят большевики, «поступил, сосредоточив в этот период внимание на работе среди населения. Так как было известно, что основные расчеты противника на Кубани — это поднять восстание местного казачества, то нужно было идти в станицу и лишний раз обеспечить себе поддержку со стороны казачества и крестьянства.

«Перед десантом Врангеля Поарм бросил своих работников в партийные комитеты, а оттуда они рассыпались по станицам и хуторам для проведения митингов и бесед. Каждый член партии (партийной организации армии) обязывался участвовать в личной раздаче листовок, сопровождать их чтением и комментариями и расклеивать воззвания по станицам.

«Военкомом и начподивам вменялось в обязанность усилить работу среди населения, сделать ее массовой и выполнение или невыполнение ее заносить в партийный билет.

«Равнодушная встреча Врангеля казаками во многом обязана этой работе Поарма среди населения.

«С момента высадки десанта Врангелем центр тяжести политработы переносится в армию. До перехода наших частей в наступление работа партполиторганов развертывается под лозунгом «держаться до подхода подкрепления». В соответствии с этой задачей на фронт бросается все, что только можно послать: парторганы, работники политорганов, партийных комитетов и т. п. Одновременно развертывается работа среди войск противника» (Разгром Врангеля, стр. 118).

В момент высадки десанта «неожиданно прокатилась по станицам волна дружной агитации, против крымского правительства», говорит Подшивайлов, «выплыли из подполья члены Кубанской Рады **Пилко, Федоренко, Савицкий** и другие политические непримиримые враги Врангеля; припомнилась старая история с разгромом Рады и убийством депутата **Кулабухова**, сговоренными по приказу Врангеля в конце 1919 г. Всюду пронесся дружный лозунг: «Не дадим Кубань убийце Врангелю».

«Ненавистное казачу имя Врангеля и его черносотенных генералов компрометировало дело десанта. Отсюда нетрудно было предсказать ему неудачу. При общем недовольстве советской властью, мало находилось и желающих воевать под знаменами монархиста-генерала» (цит. работа Подшивалова, стр. 160).

Также и некоторые «белые» источники отмечают эту антидесантную пропаганду. Например, крымский офицероз газета «Великая Россия», № 91(503), 20 августа (2 сент.) 1920 г. об этом писала так: «С 15 августа (нов. ст.) на Кубани коммунистами был организован ряд митингов, спектаклей и гуляний под названием «неделя Врангеля». Цель — поддержать дух красной армии... Все ораторы призывали население воспрянуть духом и идти на Врангеля. Способные носить оружие призывались записываться в части, неспособные — идти грузить продукты и снаряды для отправки на фронт против армии Врангеля».

С своей стороны, командующий десантной группой ген. **Улагай** обратился к населению Кубани с нижеследующим воззванием:

«ДОБЛЕСТНЫЕ КУБАНЦЫ!

«Весною этого года волна красной нечисти захлестнула Кубань и те из ваших братьев-кубанцев, которые отказались быть рабами комиссаров и коммуны, ушли в Крым.

Собравшиеся в Крыму орлы-кубанцы, помня родные очаги и стонущих под игмом большевизма братьев, ринулись на врага и, разбив красноармейцев и коммунстов, идут на родную Кубань, чтобы освободить вас и сделать вас действительно **вольными казаками**.

Мы пришли в Родной Край, чтобы освободить его от угнетателей, установить законность и порядок, дать возможность мирному населению отдохнуть от кошмара большевизма и зажить спокойной жизнью.

Мы не имеем завоевательных стремлений. Мы будем бороться только с вооруженным противником. Все служившие в большевистских организациях, если за ними нет уголовного прошлого, а также сдавшиеся и добровольно перешедшие будут освобождены от всяких преследований и ограничений в правах.

Наша армия несет с собой действительную неприкосновенность личности, жилища, семьи, свободу слова и печати. Мы общими усилиями должны создать жизнь светлую и свободную. Никакой мести в отношении насильников и злодеев, никаких зверств и репрессий — мы должны победить правдой, а не насилием.

Если мы идем с оружием в руках, то потому, что это является единственной активной пропагандой. Мы идем обеспечить населению, без различия классов и национальностей, спокойную жизнь, возможность мирного труда и тишины, права человека и гражданина. **КАЗАКИ, КРЕСТЬЯНЕ, ГОРЦЫ И ИНОГОРОДНИЕ!**

Час восстания настал, все к оружию! Соединяйтесь в отряды! Перервите железнодорожную, телеграфную и телефонную связь красных! Захватите отряды красных поодиночке! Не давайте соединяться разбросанным частям красноармейцев и коммунистов! Сдающихся красноармейцев разоружайте, но не преследуйте и не позволяйте их грабить.

Да здравствует вольная Кубань без комиссаров и коммунистов!

Командующий войсками генерал-лейтенант **Улагай**.

В этом воззвании нет даже упоминания о Врангеле, о соглашении с ним Войсковых Атаманов, о его Русской армии, о необходимости борьбы за неделимую Россию. Очевидно, в обращении к кубанцам не считалось целесообразным говорить о таких именах и вопросах...

Вместо того, в воззвании говорилось о понятных для населения лозунгах: будто бы казаков хотят сделать «действительно вольными», говорилось о равенстве классов и национальностей, о правах человека и гражданина... И последним, бодрым, призывающим к смертному бою, аккордом звучат понятные и ободряющие каждого казака слова: «Да здравствует Вольная Кубань!».

Очевидно, и русские генералы хорошо понимали, чем живет и к чему стремится Кубань, и потому от Кубанцев хотели скрыть тот факт, что казаки в Крыму во всех отношениях находились в полной зависимости от Врангеля, что руководители десанта хотели власть крымского правителя распространить на всю Кубань и на Казачьи Земли вообще.

Однако, то, что замалчивал Улагай в своем воззвании к населению, то разъяснила большевистская пропаганда, стремившаяся поработителей-большевиков

выставить в несвойственной им роли защитников Кубани от Врангеля...

Действительно, население Кубани, как и иных Казачьих Земель, находилось между двух огней.

Руководители десанта не могли организовать широко поставленную пропаганду среди населения не только потому, что не имели подготовленных к этой серьезной работе людей, а, главным образом, потому, что не могли перед населением раскрывать ни действительных намерений «пославшего их», ни того, что в действительности ожидает казаков в случае победы Врангеля.

— «—» —

Наряду с политической борьбой между Россией красной и Россией белой за обладание Кубанью, шла вооруженная борьба. Как отмечено выше, высадка десантных частей у ст. Приморско-Ахтарской началась утром 1-го августа. Охранявшие берег две красных роты, после незначительной попытки оказать сопротивление высадке, поспешно бежали к ст. Ольгинской, отстоящей в 30 верстах от Приморско-Ахтарской.

В станицах Роговской и Брюховецкой, т. е. в 52-67 верстах на юго-восток от места высадки десанта, находилась 1-ая конная советская дивизия, имевшая 200 штыков, 1000 шашек, 50-60 пулеметов и 12 орудий.

«Первые сведения о появлении перед Приморско-Ахтарской неприятельских судов и намерении их высадить десант были получены в штабе 1-й кавалер. дивизии (в Брюховецкой)... в 9 часов 35 мин... Не ожидая указаний штаба армии, начальник дивизии приказал 2-й кавбригаде с батареей, расположенной в районе Новоджерелиевская-Роговская, выдвинуться в район Ольгинская и оттуда, перейдя в стремительное наступление на Приморско-Ахтарскую (ст. Ольгинская-ст. Приморско-Ахтарская 31 верста), «сбросить высадившегося противника в море во что бы то ни стало» (цит. раб. Голубева, стр. 51).

Около 12 часов дня сведения о начавшейся высадке десанта были получены в штабе IX-й совет. армии в г. Екатеринодаре. Как отнесся к этому известию командующий этой армией коммунист Левандовский?

«Учитывая уже неоднократное появление судов противника в прибрежных районах и расценивая Приморско-Ахтарское направление, как второстепенное, командование IX-й армии первоначально не придало серьезного значения этим сведениям, считая действия противника демонстрацией, прикрывающей более серьезную операцию на каком-либо другом направлении» (там-же).

Полагая, что у Приморско-Ахтарской высадутся только незначительные силы, командующий IX-й армией ликвидацию этого десанта поручил той же 1-й конной дивизии, усилив ее двумя бронепоездами, двумя броневыми автомобилями и 2-х орудийной тяжелой (6 дюймовой) бронетракторной батареей. Начальник этой дивизии коммунист Мейер получил от командарма IX телеграфный приказ: ... «Собрав дивизию в кулак, всеми силами обрушиться на противника с целью уничтожения его во что бы то ни стало». 1-ю кондивизию должен был поддержать комендант Ейского укрепленного района теми красными частями, которые были сосредоточены в ст. Копанской, хут. Албаши и в ст. Привольной (400-500 штыков при 2-х орудиях).

Только после полудня 2-я бригада 1-й конной дивизии выступает из ст. Роговской на ст. Ольгинскую (27 верст), а 1-я бриг. той же дивизии выступает из ст. Брюховецкой тоже на ст. Ольгинскую (36 верст). Каждая из этих бригад имела около 500 шашек, 25-30 пулеметов и 4 орудия. Только к утру 2-го августа 1-я кондивизия расположилась на линии ст. Ольгинской — хутор Калеников, т. е. верстах в 30 к востоку от ст. Приморско-Ахтарской; приданные бригаде бронепоезда, броневые автомобили и тяжелая батарея размещаются к тому же времени на станции Ольгинская.

Таким образом, потребовались целые сутки для того, чтобы 1-ю кавдивизию выдвинуть из Брюховецкой-Новоджерелиевской на вышеуказанную линию, от которой до места высадки десанта оставалось еще, как сказано, верст 30. Такая чрезвычайная медлительность действий красных оккупантов дала возможность десантным войскам беспрепятственно выгружаться на берег. Началось хорошее...

Казаки буквально рвались с пароходов на Род-

ную Землю, чтобы посчитаться с насильниками, с грабителями Воли, благополучия и жизни трудолюбивых и храбрых сынов Кубани... Оставшиеся в очереди выгрузки с нетерпением ждали момента, когда нога их прикоснется к дорогой Земле, которую временно пришлось оставить благодаря своим роковым ошибкам и ненасытности пришельцев с Севера. У многих казаков туманились очи слезами... но то — радости, не то глубокой тоски и боли...

— «—» —

Утром 2-го августа 1-я кондивизия, медленно построившись в боевой порядок на линии х. Калеников-ст. Ольгинская-поселок Добровольный, осторожно перешла в наступление на запад, растянувши свои тысячу шашек в нитку длиной около пятнадцати верст. На левом фланге дивизии наступали те самые две роты — около двухсот штыков, которые 1-го августа бежали из Приморско-Ахтарской...

И поведение командного состава красных, и их рядовых бойцов как бы свидетельствовало, что и те и другие чувствуют себя так, как чувствует себя грабитель в чужом доме, услышав приближение хорошо вооруженного хозяина... И командиры и бойцы рядовых действовали весьма неуверенно, все время оглядываясь назад с вопросом в душе — есть ли еще возможность бежать?..

Пройдя верст 15 к западу от ст. Ольгинской, к полудню красные заняли фронт от Бейсугского лимана через хут. Терещенко и хут. Курчанский. У последнего красные весьма серьезно потрепали сводно-гребендерский батальон, часть которого увлеклась поеданием вкусных кубанских арбузов на богатой бакше... Зато метким орудийным огнем дивизии ген. Казановича были разбиты бронепоезд и броневомобиль красных, а также большевистская батарея принуждена была бежать с занятой ею позиции (1-я бригада).

2-я бригада после полудня была разбита казаками и в беспорядке отступила с поля боя, потеряв несколько пулеметов. К вечеру 2-го августа вся красная конная дивизия была отброшена к ст. Ольгинской, при чем казаки заняли ст. Бриньковскую.

Так печально для красных окончилась первая попытка «уничтожить десант». Тогда командарм IX решает пострадавшую в бою 2-го августа 1-ю конную дивизию усилить всей Приуральской бригадой (5.000 штыков, 400 сабель, 40-50 пулеметов, 12 оруд.), кавалерийской бригадой 14-й стрелковой дивизией (около 500 сабель, 30 пулем., 4 оруд.) и Таманской кавалерийской бригадой (сколько-нибудь точных данных о ее составе не имеется, в одном случае показан ее боевой состав такими числами: около 100 штыков, 189 шашек, 7 пулеметов, 4 орудия).

Приуральскую бригаду приказано было бросить в район ст. Бриньковской - ст. Чепигинской, чтобы произвести сокрушительный удар во фланг противнику у Бриньковской-Ольгинской. А в районе хут. Котлярова решено было создать конную группу в составе 1-ой конной дивизии, конной бригады 14-й дивизии и Таманской отдельной бригады.

Следует подчеркнуть, что 2-го августа штаб IX-й сов. армии считал Ахтарское направление за второстепенное, предполагая, что противник высадит главные десантные силы в каком то другом месте. Эту мысль 2-го августа высказал начальник штаба IX-й армии в разговоре с начальником оперативного отделения Кавказского фронта: ... «В общем впечатление таково, что главные неожиданности могут быть в другом районе, так как противник, по моему личному впечатлению, действует инертно (подчеркнуто Ред.). Но, к сожалению, у нас там очень слабые силы. Кроме того, большие расстояния требуют много времени на их сосредоточение, а потому конкретных данных о степени важности этого района, а равно о силах противника, конечно, нет» (цит. раб. Гол., стр. 53).

С другой стороны, и командование десантными силами действовало крайне инертно, так как высадка десанта недопустимо затянулась. До окончания высадки, ген. Улагай не переходил в глубокое наступление, хотя перед собой на первых порах имел лишь слабые силы красных в виде 1-й кондивизии... Проходило время, а войска и тылы все высаживались и высаживались...

Красное командование эту задержку использова-

ло, как нельзя лучше, для подтягивания резервов к району, где появились десантные силы ген. Улагая.

И 3-го августа выгрузка десантных частей все еще продолжалась, — медленно, тягуче... Незначительных размеров бои в этот день происходили несколько к западу от линии ст. Бриньковская-ст. Ольгинская-х. Калеников, причем красная конница захватила Бриньковскую, вытеснив оттуда казачий раз'езд; зато красный бронепоезд попал в руки десантных войск.

Разгрузка десанта была закончена только в ночь под 4-е августа, т. е. растянулась почти на трое суток. Уже это обстоятельство в корне нарушало основную директиву, данную Врангелем в Феодосии 29-го июля: «База отряда — Кубань. Оглядываний на корабли быть не должно. Всемерно избегать дробления сил. Только решительное движение вперед обеспечит успех. Малейшее промедление все погубит» (Вр., II, 139).

—«—

Осуществляя основной план операции, принятый еще в Крыму, ген. Улагай, закончив высадку и дав войскам соответствующую плану операции группировку, 4-го августа перешел в весьма энергичное наступление с целью, прежде всего, разбив красный конный заслон и захватив узловую станцию Тимошевскую. Вдоль линии желез. дороги двинулась пехотная дивизия ген. Казановича; слева — 1-я Кубанская конная дивизия ген. Бабиева, которая, удерживая в своих руках Бриньковскую, должна была захватить ст. Брюховецкую и прекратить операцию против Тимошевской с севера; 2-я дивизия ген. Шифнер-Маркевича была направлена из Приморско-Ахтарской сначала на ст. Степную и далее в обход Тимошевской к югу.

База в ст. Приморско-Ахтарской должна была прикрываться с моря и со стороны Ясенской переправы военным флотом.

В течение 2-го и 3-го августа большевики уже успели подтянуть к району распространения десанта некоторые свои пешие и конные части: так Приуральская бригада успела походным порядком продвинуться из района ст. Староминской в район ст. Каневской и утром 4-го августа из этой последней направилась следующим порядком: 3-м полком с батареей и кавалерийским дивизионом (в общем: 1500 штыков, 400 шашек и 4 орудия) на ст. Бриньковскую, а 1-м и 2-м полками с двумя батареями (3000 штыков и 8 орудий) на ст. Чепигинскую; кавалерийская бригада 14-й стрелковой дивизии и Таманская кавалерийская бригада находились уже в ст. Тимошевской.

1-я конная красная дивизия преграждала путь десантным дивизиям, занимая район ст. Бриньковская-пос. Добровольный-ст. Ольгинская и юго-западнее этой сатницы, переходя на юг через жел. дорогу. Эта дивизия имела своим заданием во что бы то ни стало задержать противника до подхода резервов.

Утром, 4-го августа все три дивизии Улагая приходят в движение. Левофланговая 1-я Кубанская ген. Бабиева неожиданно для красных наносит сокрушительный удар по правофланговой 2-й бригаде 1-й конной дивизии большевиков, разбивает ее и обращает в беспорядочное бегство на станцию Новоджерелиевскую. Дивизия ген. Бабиева занимает ст. Бриньковскую и хутора Добровольный и Сербина.

Одновременно с этим, конница дивизии ген. Шифнер-Маркевича обрушивается на 1-ю бригаду большевизской конницы, усиленную бронепоездом и тяжелой тракторной батареей. Большевистская конница и в этом случае не выдерживает казачьего удара и, бросив свою тяжелую батарею, поспешно откатывается вдоль железной дороги.

К 6 часам вечера 4-го августа 1-ая кондивизия коммуниста Мейера, отскочив с утра верст на 20-25, сосредоточилась верстах в 3-4 западнее ст. Новоджерелиевской. В эту же станцию из Тимошевской к вечеру 4-го же августа подошла конная бригада 14-й стрелковой дивизии.

Ген. Улагай решил уничтожить эту группу красной конницы. Было приказано дивизии ген. Бабиева обойти красную конницу с севера и в тылу ее перерезать линию железной дороги, на Тимошевскую, а коннице ген. Шифнер-Маркевича обойти советскую конницу с юга, замкнув кольцо окружения на переправе у ст. Роговской.

В этот же день 4-го августа к вечеру десантная пехота, передвигаясь на подводах, перед ст. Новоджерелиевской нагнала красную конницу 1-й дивизии и нажимом с запада сковала ее, выжидая окончания операции по полному окружению красных.

Ген. Бабиев, отбросив утром в тот день большевистскую конницу из района станиц Бриньковской и Ольгинской на ст. Новоджерелиевскую, оставляет в Бриньковской небольшой подвижной заслон всего в 200 шашек (припомним, что в этот день из ст. Каневской на Бриньковскую — расстояние 28 верст — двигалась большевистская группа почти в две тысячи бойцов Приуральской бригады) и с остальными силами своей доблестной дивизии быстро продвигается далее на юго-восток вдоль Кирпильских плавень.

К 7-ми часам вечера дивизия Бабиева достигает хуторов Семеново-Ищенко. Отсюда часть своих сил Бабиев бросает на ст. Брюховецкую, а главными своими силами круто поворачивает на юг — на ст. Роговскую и отрезает пути отступления красной конницы, сгруппировавшиеся в Новоджерелиевской.

«Подошедшие в это время головные части дивизии Шифнер-Маркевича к переправе у Роговской», свидетельствуют сами большевики, «заканчивают полное окружение частей 1-й кавдивизии и кавбригады 14-й дивизии».

«Обход противника обнаруживается в тот момент, когда авангард колонны ген. Бабиева достигает уже линии железной дороги. Навстречу Бабиеву спешно выдвигается кавбригада 14-й дивизии с бронепоездом, имея задачей задержать его движение. Тем временем начдив 1-й кавалерийской решает, пользуясь наступившей темнотой, оторваться от пехоты противника и, имея заслоном с запада 2 эскадрона 4-го кавполка, с севера, в сторону хх. Бутенко-Семеново-Ищенко — 3-й кавполк, в сторону Роговской переправы 1-й кавполк, остальными силами дивизии совместно с кавбригадой 1-й дивизии обрушиться на конницу ген. Бабиева и прорываться вдоль железной дороги на Тимошевскую или Брюховецкую.

«Отрыв от пехоты совершается благополучно. Высланная вперед кавбригада, пользуясь тем, что к моменту ее подхода через железную дорогу перешли лишь слабые передовые части противника, совместно с бронепоездом легко опрокидывает их и уходит на Тимошевскую, не предупредив об этом следовавшие за нею части дивизии. Прорыв бригады совершается почти без потерь. Но у бронепоезда пулеметным огнем оказываются изрешеченными вагоны артлетучки, в которых гибнет около 100 человек пехоты.

«К встрече остальных частей дивизии противник успевает приготовиться. Шедшая без всяких мер предосторожности, с артиллерией в голове, красная конница, встреченная почти в упор перекрестным пулеметным и ружейным огнем противника, быстро превращается в беспорядочную толпу и, теряя половину личного состава (в том числе начальная дивизии), обе батареи и почти все пулеметы, отдельными группами частью пробивается на Брюховецкую-Тимошевскую, частью рассеивается в плавнях озера и реки Кирлипи.

«К утру 5(18) августа дивизия перестает существовать как боевая единица (Голубев, стр. 56-57).

К утру 5-го августа (ст. ст.) Сводная дивизия ген. Казановича и 1-я Куб. конная ген. Бабиева занимают станицы Новоджерелиевскую и Роговскую, а 2-я Куб. дивизия продвигалась в сторону станиц Новониколаевской и Поповичевской.

—«—

Только после разгрома большевистской конной группы командующий IX-й сов. армией понял, насколько серьезную угрозу для советской власти на Кубани представляет группа войск ген. Улагая.

После этого командарм IX приказал:

- а) правофланговому 3-му полку Приуральской бригады с кавалерийским дивизионом и батареей утром 5 августа занять станцию Бриньковскую и наступать далее на ст. Ольгинскую в тыл десантной группе,
- б) 1-му и 2-му полкам той же бригады тоже с утра 5-го августа наступать из района ст. Чепигинской на станцию Роговскую,
- в) кавбригаду 14-й стр. дивизии, Таманскую кавбригаду и остатки 1-й конной дивизии объединить в конную группу и ударить со стороны Тимошевской на

ст. Роговскую с юго-востока с целью совместными усилиями Приуральской бригады и Конной группы прикрыть Тимошевскую станицу и станцию до подхода подкреплений;

г) приступить к погрузке в ст. Крымской 26-й бригады 9-й стр. дивизии и спешно перебросить ее по жел. дороге в Тимошевскую.

—«»—

5-го августа десантные войска энергично продолжали наступление согласно основной директиве — захвата Тимошевского жел.-дор. узла.

Части правофланговой дивизии ген. Шифнер-Маркевича почти беспрепятственно распространялись на юг и на юго-восток и заняли станицы Гривенскую, Новониколаевскую, Староджерелиевскую, Поповичевскую и Старовеличковскую, перерезав железную дорогу Тимошевская-Крымская. Большим минусом этой операции было то, что дивизия Шифнер-Маркевича, насчитывавшая в начале операции всего около 1200 бойцов (Врангель, 11(157), расбрасывалась на обширном районе.

Дивизия ген. Казановича из ст. Роговской продвигалась в направлении на х. Роговской и ст. Тимошевскую (Роговская-Тимошевская 26 верст).

В это время довольно тяжелое положение создавалось на левом фланге и в глубоком тылу десантной группы. Уже в 3 часа утра 5-го августа 3-й полк Приуральской бригады занял ст. Бриньковскую, выбив оттуда оставленный там Бабиевым небольшой заслон. Заняв эту станицу, красные оказались снова только в 33 верстах от базы десанта — ст. Приморско-Ахтарской, в то время, как дивизии Казановича и Бабиева 5-го августа находились уже в 60-ти верстах, а передовые части Шифнер-Маркевича — верстах в 70 от своей базы.

Если бы 3-й красный полк Приур. бр. проявил бы хотя небольшую активность в тот день, он мог бы легко занять станицу и станцию Ольгинскую, отрезав таким образом войска ген. Улагая от их базы. В действительности двухтысячная масса бойцов этого красного полка ограничилась только тем, что выбила из Бриньковской заслон казаков, насчитывавший в десять раз меньше сил. Не менее показательно было то, что эти 200 шашек в три часа дня предприняли смелую попытку выбить красных из ст. Бриньковской.

Более важные для обеих сторон события разыгрывались в этот день в треугольнике станиц Брюховецкая-Роговская-Бриньковская. Здесь 1-й и 2-й полки Приуральской бригады, выполняя директиву командарма IX о наступлении на Роговскую, утром 5-го августа из ст. Чепигинской перешли плавни в районе Лебяжьего лимана и, развернувшись «на ровной степи бесконечно длинными цепями», медленно продвигались от плавней в сторону ст. Роговской (плавни-Роговская 15-20 верст), «имея перед собой лишь мелкие группы всадников противника».

«Около 15 часов конница ген. Бабиева, дав вый-ти частям бригады на линию х. Ищенко-станция Роговская, неожиданно появляется перед цепями, стремительной конной атакой на стык полков с одновременным охватом левого фланга прорывает фронт бригады и отбрасывает 2-й полк через болотистые камы-

ши Бейсугского гирла на Б. Солоненька, а 1-й — в плавни лимана Лебяжий и в направлении на Придорожный (Роговская-Придорожный 37 верст).

«Противнику достаются две вполне исправных батареи (т. е. вся артиллерия двух полков), значительная часть пулеметов и пленных. Потери в личном составе были особенно велики в лево-фланговом 1-м полку, потерявшем почти целиком 1-й батальон.

«Конница противника, считая бригаду совершенно разгромленной, преследовала ее только до линии Бейсугское гирло-лиман Лебяжий, дав этим возможность остаткам 1-го полка отойти на Придорожный, а менее пострадавшему 2-му полку сосредоточиться в Б. Солоненькой» (Голубев, стр. 59).

Таким побоищем закончилось наступление на ст. Роговскую трехтысячной массы красных. Сведения о разгроме 1-го и 2-го полков Приуральской бригады, естественно, не могли ободрить и без того малобоеспособный 3-й полк той же бригады, занимавший, как отмечено, ст. Бриньковскую.

С другой стороны, это поражение красной пехоты к северу от ст. Роговской не только быстро устранило эту угрозу флангу и тылу десантных войск, но вызвало соответствующую реакцию в большевистских частях, предназначенных для образования конной группы, имевшей 5-го августа ударить на Роговскую. Вместо сосредоточения в кулак и перехода в наступление против дивизии ген. Казановича, эти большевистские конные части, не выполнив боевого приказа своего начальства, разошлись по кубанской равнине, спасаясь от возможных дальнейших ударов десантных войск.

Вот как сами большевики описывают это самовольное передвижение красной конницы: «Однако, здесь творилось что то непонятное. Остатки 1-й кавбригады 1-й кавдивизии к утру 5(18) августа сгруппировались в Брюховецкой, где и пребывали до поражения Приуральской бригады. В тот же вечер... под давлением раз'ездов противника остатки бригады ушли на Новокорсунскую. Остатки 2-й бригады, сгруппировавшиеся в Тимошевской, покинули ее днем и через Новокорсунскую проследовали в Батуринскую. 14-я и Таманская кавбригады, вместо наступления с утра на Роговскую, около 17 часов выступили из Тимошевской и, заняв в 3 км. от нее позиции для обороны между желез. дорогой и р. Кирпили, ожидали появления противника» (там же).

Таким образом, командарм IX потерял управление над той самой красной конницей, которая должна была противодействовать наступлению казаков на Тимошевскую. Под артиллерийским огнем дивизии ген. Казановича 2-й и 3-й полки Таманской бригады отошли на Новокорсунскую, а 14-я кавбригада и 1-й полк Таманской бригады — на ст. Медведовскую.

Вечером 5-го (18-го) августа дивизия Казановича заняла станицу и станцию Тимошевскую, где и расположилась на ночлег, прекратив преследование совершенно деморализованных и численно слабых конных частей противника.

1-я Кубан. конная див. ген. Бабиева, после разгрома двух полков Приуральской бригады, главными силами отошла на Роговскую-Новоджерелиевскую, небольшим отрядом заняв ст. Брюховецкую.

(Продолжение следует)

Небольшие ошибки большой энциклопедии

Под таким заголовком в римской газете «Fronte Unico» (в номере от 10-го апреля с. г.) напечатана статья нашего сотрудника есаула Н. И. Посохова следующего содержания (на итальянском языке):

«Итальянская Энциклопедия, изданная Институтом Треккани (Enciclopedia Italiana dell'istituto Treccani), представляет собой такой монументальный труд, что служит ценным вкладом и делает честь не только для итальянского издательства, но и для культуры всего человечества. Однако, даже при таком

объеме и точности сведений, я заметил пятно, маленькое пятно, которое задевает мой храбрый, но глубоко страдающий сейчас народ.

Эта маленькая и скромная ошибка, в сравнении с объемом и важностью труда, станет, конечно, вполне понятно и простительной, если принять во внимание, что статья о казаках в итальянской энциклопедии писалась на основании материалов и книг русских авторов или же казачьих автоор, уже обрусевших и «освоенных» Москвой, которые были косвенными помощ-

никами и соучастниками политики руссификации Казачества, систематически проводившейся русским правительством. Достаточно только вспомнить, что, когда казачий историк **Сухоруков** попытался напечатать «Историю Донских Казаков», для которой посвятил 10 лет усидчивой терпеливой работы и неутомимых тщательных изысканий, он был арестован, сослан на Кавказ, оттуда на север и, в конце концов, умер от лишений, всегда преследуемый. Весь исторический материал, который он терпеливо собрал, был конфискован и использован историком **Броневским**, который подменил историческую правду ложью, выгодной Московскому правительству. Таким образом, возникла абсурдная, исторически необоснованная, теория, которая, к сожалению, повторяется и итальянской энциклопедией, а именно, что казаки — русские люди и что Казачество образовалось из русских крестьян, бежавших от своих господ и помещиков, и преступников, укрывавшихся среди казаков от правосудия Москвы.

Немедленно возникает первое возражение: русские крестьяне до 1594 года были свободны менять и выбирать помещика, землю которого хотели обрабатывать. Русские крестьяне начали убегать от своих господ (всегда в скромном численно количестве) после введения крепостного права **Борисом Годуновым** в 1594 году.

Та же самая русская история подтверждает, что казаки с начала 1600-х годов были уже могущественным политическим фактором на Юго-Востоке Европы: их боялись и союза с ними искали все их соседи. Сами русские искали военного вмешательства казаков при избрании монарха из дома Романовых, как то показывает решительное выступление Казачьего Атамана **Межакова** на Земском Соборе, имевшем место в Москве в 1613 году, которым был избран кандидат **Межакова**, боярин **Михаил Федорович Романов**.

Возможно ли, чтобы за 19 лет (1594-1613) беглые крестьяне могли сорганизоваться и образовать такое могущественное государство?.. И если казачьи армии были так могущественны и многочисленны, то какой массовый побег должны были совершить русские крестьяне?

В 1637 году, всего лишь через 43 года с момента предполагаемого образования Казачьего государства, согласно живых русских сведений, казаки завоевывают и с успехом отстаивают могущественнейшую по тому времени крепость **Азов**, защищавшуюся лучшими и отборными войсками **Отоманской Империи**. Уже один этот эпизод, который считается наиболее славным во всей военной истории Востока, служит доказательством **национального сознания** и духа настолько глубокого и могучего, что, проявившись таким образом на этом историческом событии, он не мог иметь периодом своего возникновения и развития всего лишь 50 лет.

В Энциклопедии **Треккани** читаем еще, что до XV столетия, Казакция (Энциклопедия, собственно, более часто называет ее Юг России) представляла из себя территорию девственную, дикую и пустынную, по которой бродили ватаги казаков «татар», разбойников и воинов. Нет ничего более неточного, как подобные сведения. Достаточно будет (из-за недостатка места) сослаться на некоторые выдающиеся и неоспоримо точные исторические факты:

1. В книге чехословацкого писателя доктора **Прикрила**: «Памятники Св. Апостолов Кирилла и Мефодия», читаем: «Император Михаил послал Св. Апостолов, братьев Кирилла и Мефодия, к Донским Казакам. Но они нашли, что этот народ уже был глубоко христианским и даже в области Донских казаков, а именно близ города Херсон, они нашли тело Св. Климента Папы, четвертого Епископа Рима, который был сослан императором **Траяном**».

Это свидетельство относится к IX веку и доказывает неоспоримо, что население Казакции не могло быть

исключительно татарским, так как татары были и остались магометанами. К тому же, факт, исторически установленный и доказанный, что население славяно-казачье, обитавшее по течению р. Дона и на побережье Азовского моря, приняло христианство раньше Руси Киевской (Украины). Это подтверждает также и известный патриарх **Фотий**, равно и устав Византийского императора **Льва Философа**, который жил от 836 г. до 911, т. е. задолго до крещения Киевской Руси (988 г.).

2. Казачество находилось в тесных и дружеских сношениях с морской Генуэзской республикой с XIII и XIV веков, как о том свидетельствуют многочисленные документы Генуэзских архивов. После того, как в 1308 году татары разрушили город Кафу (колония Генуэзскую), генуэзцы ее восстановили в 1316 г. и поставили здесь консула Кафы, который являлся представителем власти Генуэзской республики с титулом «*Dominum Chazariae et Mare Negro*». Во всех документах, относящихся к этому, ясно говорится о казаках или под именем «*cosachos*» или под равнозначущим ему «*orgusii*».

В 22-м параграфе Генуэзского Устава, изданного для города Кафы, мы читаем об оргузиях: «Устанавливаем, что при консуле гор. Кафы должны находиться для конвойной службы 20 хороших, ловких, преданных Оргузиов (*orgusii*) и каждый из них должен иметь, как и все оргузии это имеют, лошадь, щит, бурку и собственное оружие; ежемесячно каждый из них будет получать от Кафской городской управы 120 асиров и никто из них не может быть слугой или рабом. Параграф 21 Устава говорит, что в Кафе должен находиться один командир оргузиов (*kapitani horgursiarum*), который имеет стипендию-жалование, лошадь и пр. и должен быть всегда со своими казаками оргузиями (*cosacchi-orgusii*) в распоряжении консула.

Из всего этого видим, что Казачество уже с начала XIV века было хорошо организовано и его военные организации были всюду и всем известны за их храбрость и отличное военное воспитание — могли снабжать Генуэзскую республику наемным войском.

3. Что обитатели Казакции не были татарами, подтверждают также и отрывки вышеуказанного устава Генуэзской Республики для гор. Кафы. А именно: в границах Генуэзских колоний было абсолютно запрещено нехристианскому населению ношение оружия, между тем Казакам Оргузиям вменялось в непременную обязанность ношение такого.

Можно бы долго продолжать в том же духе, ибо, слава Богу, нет недостатка в документах, устанавливающих и доказывающих нерусскость и особность Казачества и что Казачий народ — самостоятельный народ, который всегда боролся за свою собственную свободу и независимость. Все это, не вдаваясь и не углубляясь в историю прошлых веков, подтверждается широко и недолгим периодом независимой и славной самостоятельной государственной жизни Донской, Кубанской и др. Казачьих Республик (1917-1921 гг.).

Большевикам удалось, благодаря ошибкам ген. **Деникина**, главнокомандующего «белыми» войсками, поправить Казачью Страну и привести в нее господство Москвы. Но казаки, рассеянные по всему миру и те, которые живут и страдают на Родине, борются и надеются и верят в близкий день своего освобождения, когда советская власть вернется во мрак ада, из которого вышла, и когда Казачество вернется на Родину, под шум распушенных славных, победных, седых и свободных знамен доблестных казачьих Войск.

И Казачество, помня тесные и дружественные сношения, которые имело с морскими Итальянскими республиками в прошлом, может теперь с доверием обратиться к Фашистской Империи — этому соседу и хранилищу международной и Римской Справедливости, которой так жаждут все угнетенные народы.

Николай Посохов, есаул и инвалид войны.

Каждый казачий патриот должен подписаться на ж. „ВК“

Молодой Краснов

Перед нами старая книжка: «Атаман Платов. Новый исторический роман в двух частях из времен отечественной войны. Сочинение П. Н. Краснова. С.-Петербург. Типография С. Добродеева... 1896».

«Дозволено цензурою. С.-Петербург, 5-го июня 1896».

Возможно, что это первый роман, написанный Петром Николаевичем Красновым. Действительно, это — сочинение. Гимназическое сочинение начинающего, оказавшегося весьма плодотворным, но, тем не менее — посредственным, с точки зрения художественной, автором. Впрочем, не это нас сейчас интересует.

Роман «Атаман Платов» — роман исторический. И проглядывают в нем — вольно или невольно — и политические симпатии или антипатии автора. Вот почему в данном случае нас интересует не роман, а его автор.

Автор романа — верный сын России. Сквозит это на каждой странице. И все же, иногда и у него прорывается если не кусочек правды, то намек на нее...

Попробуем привести ниже несколько цитат:

... «Теперь вот чекмени пошли форменные, шитье дали, кивера, — что же, разве хуже с того стали казаки?»

— Все это верно, но только зря мы приняли шитье это да кивера великороссийские. Сегодня кивер, а завтра в регулярство писать станут. Вот ты говорил про Матвея Ивановича, что недалеко ли он человек, — нет, он дальше нашего видит. Он это знает. Он и рейтузы наденет, а солдата из казака не позволит сделать...

— Ладно. Прикажут и сделает... (Стр. 8. Из разговора двух старых донских полковников).

— Постой, Суворову то что, лет семьдесят было, да при том он русский, ему ход давали, а Платов опальный, да еще казак.

— Это верно, — сказал Зазерсков, — казаку ходу нет и не будет*).

(Стр. 10).

— Ну, что, молодой? — хлопнув Каргина по плечу, сказал есаул атаманец. — Слышал, война, говорят, будет?

— Дай то Бог! — с жаром отвечал молодой казак.

— Не гнечи Бога! Трудно казаку на войне — с нею всех потянут, а поклопам конца не будет. Кто ни вору, кто ни мародерствует, — непременно на казака скажут. Потому такое убеждение: **воры казаки...**

(Стр. 13).

... Зазерсков помолчал немного и потом продолжал: — Я много видал и городов, и людей. Помню, в Пруссии были, в Туретчине, под Оренбург ходили. Видал я Варшаву, видал я поляков, там — **всякий народ себя знает.** Спросишь у них, у офицеров ихних, кто теперь царь, — назовут, скажут и кто раньше был и как тогда люди жили, какие были законы, куда ходили, с кем торговали, а у нас... что старики помнят, знаем — и то всяк по своему толкует...

... **Кто мы такие, донские то казаки?** — Немец — он немец, у него вера немецкая и язык свой, и все, а мы? Говорим по русски, вера православная, а **назовешь русским — обижаемся.** Вот и справься здесь. Ах, был бы умный то у нас да ученый человек, до всего дотошный, — он бы все это досконально раз'яснил... (Стр. 14).

Марья Алексеевна Сипаева воспитывалась совсем не так, как казачка. Отец ее, с Суворовым ходивший в Италию, приставил к ней гувернанток — немку и французенку...

Но, не прельщали Марусю Вольтер, Мольер и Руссо, не нравились ей старинные рыцарские романы... Она больше любила слушать таинственные восточные сказки, что рассказывала ей старуха-туркиня, татарский язык предпочитала французскому, а на кла-

викордах, вместо Моцартовых творений, по слуху играла то заунывные, то удалые казачьи песни... (Стр. 16).

(Интересно отметить, что на Дону, даже при Платове, не говорили: «господин полковник, господин есаул», а говорили: пан полковник, пан есаул... Ред.).

... Шибко бьется сердце Платова при воспоминании, как его произвели в генералы и назначили атаманом войска Донского. Но Платов теперь не тот. Это не молодой человек, гордый своим донским присхождением, гордый победами своих предков. Он не мечтает больше о свободе и воле для своих детушек. Нет, нельзя бороться с Русью, сильна стала «Москва». Надо хитрить... (Стр. 27).

Всадники (казаки) нажали шенкелями, привстали на стременах, и через минуту Коньков слезал уже с лошади и обнимался с товарищами.

— Ты жив?

— Жив, братцы мои, жив! **Что перенес на Россию, того и в турецком плену не испытаешь...** (Стр. 78).

... Платов был сильно не в духе. Генерал Войска Донского Краснов был назначен в отряд младшего его чином ген. Шевича. Недовольный Платов заступился за своего подчиненного и отписал к Ермолову письмо, где просил раз'яснить ему: «давно ли старшего отдают под команду младшего и притом в чужие войска?»

От Ермолова был получен едкий ответ:

«О старшинстве Краснова я знаю не более вашего», — писал он атаману, — «потому что из вашей канцелярии еще не доставлен послужной список этого генерала, недавно к нам переведенного из Черноморского войска. Я вместе с тем должен заключить из слов ваших, что **вы почитаете себя лишь союзниками русского Государя, но ни как не подданными его...**»

Письмо это Платов читал в своей канцелярии перед многими донскими полковниками... (Стр. 82).

Люди собрались между взводами и молчали, — у казаков еще был разговор. (В день Бородинского сражения. Ред.). Они как то **хладнокровнее** относились к сражению. «Москва» для них не имела того священного значения, что заставляло бы их особенно **трепетать за нее**, особенно думать о битве под первопрестольной... (Стр. 119).

... Днем их (казаков. Ред.) передовое место заняли гусары и драгуны, а казаки были отозваны в тыл, но настала пасмурная, дождливая ночь, и казачьи полки по старому вытянулись аванпостами у неприятельских бивуаков.

— Ишь ты, только видно **на черную работу и гондись.** Нет того, чтобы поручить какое нибудь дело.

И полковники... сидели по полкам своим, хмуро смотрели, как гибли от простуды лошади и люди и недовольно отступали. У них в эти тяжелые осенние дни (дни отступления после Бородинского сражения. Ред.) **не было такого ужасного чувства страдания при потере Москвы**, какое испытывал всякий русский... (Стр. 129).

... Из казаков ординарцев Милорадович оставил при себе одного хорунжего Конькова, особенно рекомендованного ему Платовым. Случно было молодому казаку среди чужих людей... Милорадович был утонченно вежлив, но не допускал ни малейшей фамильярности, и Коньков, кроме как по службе, ни о чем с ним не разговаривал. Остальные ординарцы, эта плеяда искушенной опытом золотой дворянской молодежи, пылкой и легко увлекающейся, имела свой сплоченный кружок и **не приняла в него казака.** Впервые понял Коньков, что **ни славные победы в минувшие войны, ни историческое прошлое Дона в глазах некоторых людей ничего не значили.** Эти самые «сиповские» офицеры, которых он не Бог весть как уважал,

*) Подчеркнуто везде нами. Ред.

смотрели на казаков полупрезрительно, именovali их «казачки» и признавали, что донцы годны только на чорную работу, в раз'езды, на аванпосты и для охранения транспортов и обозов. Не признавая за казаками военного образования, они отдавали должную справедливость их сметке и находчивости и каждый из них старался иметь у себя в услужении или на ординарцах казака... (Стр. 130).

... Днем Платов больше отдыхал. Ездил ночью. Партии его преследовали неприятеля, отбирали добычу, брали пленных, лошадей, лишали продовольствия.

— Я не понимаю, — сказал однажды, обращаясь к войсковому старшине Лазареву, — как это другие партизаны решаются убивать пленных. Я вам скажу — это нехорошее дело и недостойное звания казака и солдата. Между тем Фигнер, Дорохов и другие, я вам

скажу, позволяют себе это. У нас этого, слава Богу, пока не водилось. Дай Бог и впредь так... (Стр. 170).

«Ах, Коньков, Коньков, — думал он (Воейков, русский офицер. Ред.), — как ни умен ты, а все еще тебя много воспитывать надо. В скольких водах ни вари, а все Пугачевым да Разиным пахнуть будешь...» (Стр. 233).

... Это всегда так: куда сунутся сиповские (русские. Ред.) офицеры — там и пакость! Ну, где-ж им казака знать, когда они не верят казаку ни слова. Они казака норовят заткнуть в обоз да в деньщики... (Слова есаула Зазерскова. Ред.). (Стр. 297).

Комментарии ко всем приведенным выше выдержкам не нужны. Все ясно и понятно...

Думы и мысли

КАЗАК, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ!

«Я пишу не для того, чтобы вам только понравиться, вы должны кое чему поучиться»...

(Гете).

«Думи мої, думи мої, лихо мені з вами»...

(Т. Шевченко).

«Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон»...

Казаки и казачки, к вам мое слово! К вам обращаюсь я. Все мы вскормлены и вспоены на своей родной казачьей земле, на своей дорогой и милой нам родине. Мы не великороссы. Мы, казаки, все братья по крови. Мы есть отдельный народ. Мы есть нация, мало общего имеющая с великороссами. Нация есть единство исторической судьбы, великая солидарность, устанавливаемая чувством жертвы, которые уже сделаны и которые предполагаются в будущем. Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, хотя все эти элементы более или менее существенны для национального бытия.

Говорят, что общность языка, расы, крови создает основу для поглощения одного государства другим. Однако, в Южной Америке, например, есть восемь республик с общим языком, с населением одной расы, исповедующих одну и ту же католическую веру и, тем не менее, каждая из этих республик самостоятельна и суверенна.

Расхождение между нами, казаками, и великороссами не две политики, а два разных склада души. Территории, подпавшие под большевистскую власть, уже более не суверенные государства с собственной национальной жизнью, но «отделы» московского революционного центра.

России сейчас, в настоящее время, нет. Россия вычеркнута с географической карты. Есть СССР, где власть советская, власть III интернационала, международная власть. Осталась территория бывшей Российской империи и народы, ее населяющие, которые не живут, а влчат свое жалкое существование.

Российская империя рухнула, распалась, развалилась потому, что была сшита искусственными, гнилыми нитками. Мы все знаем, что территорию б. Российской империи населяли следующие народы: казаки, великороссы, украинцы, белоруссы, поляки, литовцы, эстонцы, финны, грузины, татары, армяне, евреи и многие другие народы.

Поляки, литовцы, латыши, эстонцы, финны не желали жить под властью III интернационала, под советской властью, под властью авантюристов и разрушителей цивилизации. Они отделились, образовали самостоятельные государства, живут и работают каждый на пользу своего народа, на пользу своего государства тихо и мирно.

Следовательно, под властью III интернационала, под советской властью (а мы, казаки, знаем на опыте, какова эта «созидательная» власть), остались на территории б. Российской империи в рабстве следующие народы: казаки, украинцы, часть белоруссов, грузины, татары, армяне и др. народы.

Громадное большинство великороссов приняли, признали учение Карла Маркса и Энгельса и их последователей-учеников Ленина и Сталина, приняли советскую власть, власть III-го интернационала, убили своего царя и его семью, выбросили за борт старое царское знамя, воздвигли себе красное знамя, а мы, казаки, знаем, что красное знамя есть эмблема всемирной революции, всемирного пожара, всемирного разрушения, что они и делают в Испании и в других государствах явно и тайно.

Самый худший яд, ныне отравляющий мир между народами, есть большевизм, неиссякаемый источник гражданской войны, приводящий роковым образом к войне международной. Против него все страны должны объединиться. Но пусть никто не забывает, что все государства в большей или меньшей степени виновны в зарождении этого зла, виновны в дальнейшем его развитии, ибо все более или менее с ним дружили. Для объединения во имя борьбы с ним, пусть все протянут друг другу руки, отнюдь не кулаки.

Нет надобности считать чужие прошлые ошибки. Не надо лишь старые ошибки повторять и впредь; надо объединять все силы порядка, враждебные большевизму. Величайший, единственный враг № 1-й цивилизации и мира во всем мире — это Москва.

Туда, на восток Европы, взоры правителей всех государств и рабочих всего мира должны быть обращены. Имеющий уши слышать, да слышит. Там на востоке Европы продолжается мировая катастрофа. Там нет мира внутреннего и внешнего с 1914 года и по сей день.

Казаки! оставим великороссов в покое. Они не нужны нам. Они вредят нам, казакам. Мы знаем по опыту, что они не желают царя, не желают единой и неделимой России. Нам, казакам, нет дела до великороссов.

Не нужна нам и Москва. Мы не должны соваться с своим уставом в чужой монастырь. Мы не должны навязывать свою волю чужому народу. Мы, казаки, не должны быть на службе чужого народа, не должны быть орудием другого народа. Мы должны служить своему народу, Казачеству, сами себе. Мы должны надеяться только на самих себя. Интересы нашего казачьего народа, казачьи интересы дороже всего, дороже личных интересов, симпатий и привилегий.

Если кто из казаков личные симпатии, интересы и привилегии, полученные от великороссов, ставит выше, дороже интересов казачьих, то пусть не туманит головы казакам, если он имеет честь и совесть, если он любит свой народ, дорожит своим народом.

Горе той нации, которая за себя не борется, а превращается в средство борьбы для других.

Мы, казаки, должны знать, помнить и никогда не забывать, что великороссами помещицы земля захвачена, но не поделена. Там, на севере, у великороссов с землей сплошной хаос был, есть и будет. Ведь общее количество помещиков перед революцией было около ста тысяч, а количество принадлежащей им земли 68,5 миллионов десятин. Великоросс никогда не согласится отдать захваченную землю помещикам. Великоросс никогда не согласится принять нового царя, если кто попытается навязать его ему силой. Не для того они убивали Николая II-го и его семью, чтобы заменить его новым. Великоорсс отождествляет царя с помещиком. В их глазах царь тот же помещик. Следовательно, **всероссийский имперский союз казачьих Войск г. Алпатова и компании не имеет почвы под собой.**

Великороссы уничтожили казачьи Войска, уничтожают и казачий народ. Все мы, казаки — участники «гражданской» войны — отлично знаем и помним, что в 1919-1920 г. г. мы два раза ходили имперским путем, под командой нам известных великорусских и казачьих генералов. Куда эти походы привели нас, казаков?

Первый поход привел нас к Новороссийской катастрофе и Черноморской Голгофе. Второй имперский поход в Крым привел нас в чужие страны, сделал нас чужими батраками.

Нет, нет! Всероссийский имперский путь нам, казакам, не подходящий. Этот путь предательский. Москва и Петроград нам, казакам, не нужны больше. Предоставим их великороссам.

Не нужны нам Архангельская, Вологодская и др. губернии, которые населены великороссами. Не нужны и великоросская овсянка. Не нужен и Северный полюс с его плавающими льдинами. **Нам, казакам, нужен казачий народ, казачья родина, наша казачья отчизна, наши казачьи очаги, наши казачьи пепелища, наши разрушенные казачьи гнезда, наши широкие и привольные степи, наши казачьи земли, кровью казачьей добытые и обильно ею политые.** Те земли, которые давали знаменитую пшеницу кубанку, донскую и украинскую сивоколку. Да одну ли пшеницу?

Великороссы захватили нашу землю и все наше добро, все хозяйство, веками нажитое, уничтожили, с'ели все, но сами не пополнили.

Не дают они, не производят столько хлеба, продуктов питания и др. сырья, сколько мы, казаки, производили. Следовательно, дело не в великорусском народе, не в земле, не в тракторах, не в орудиях обработки земли, а в том казачьем народе, который жил на этой земле, распоряжался, работал и производил.

Казаки, степные орлы! Славного Седого Тихого Дона, выходцы из гетманщины Старобельны, Верхнего и Нижнего Дона, Азовские; Вольной Кубани — Линеицы и Черноморцы, рассказанные казаки Хоперцы-Ставропольцы; Бурного Терека — Гребенские, Моздокские, Аграханские; Чудного и прекрасного Днепра — Запорожские, Бугские, Днестровские, рассказанные царями и царицами, верные и неверные Москве; Волжские, Астраханские. Лзюнгарские калмыки, Уральские и Оренбургские. Сибирские и Дальневосточные, — знайте, что все мы — братья по крови, все мы дети одного казачьего народа. Все мы одной нации. В жилах всех нас течет казачья кровь. Вы, вольные и свободолюбивые сыны своего казачьего народа, сыны своих вольных и широких степей. Вы непримиримые враги советской власти. Вы не приняли чужезем-

ное учение Карла Маркса и Энгельса и их учеников Ленина и Сталина. Вы знаете на опыте, на практике убедились, что учение это ложное, утопия, духовная зараза, фантазия, нам чуждая.

Вы хорошо помните 1918, 1919, 1920 г. г. кровавой борьбы против иноземного и чуждого нам учения, против советской власти. Мы все восстали, боролись и будем бороться за свою дорогую и милую нам казачью родину, за свой Порог и Угол, за свои вольные и широкие степи, за поруганную честь и свободу, за могилы наших отцов и матерей, за оскорбленных жен и сестер...

Мы должны пробить дорогу к своим казачьим гнездам, к своим кузням. Без родины — нет жизни. Мы все вянем и сохнем, как цветы, пересаженные с хорошей земли на плохую.

Мы должны создавать свое отдельное, самостоятельное казачье государство на истари принадлежащей нам казачьей земле.

Наши казачьи земли богаты. На них все есть, что нужно для народа, что нужно для самостоятельного государства. Воскресим прекрасную быль. Мы должны надеяться только на самих себя. Казачья судьба должна быть в казачьих руках.

Красная армия есть интернациональная армия, воспитанная в интернациональном духе. При первом столкновении с другой армией национальной, она расщепится. Напрасно надеются некоторые великорусские генералы на красную армию...

Все казачьи армии, весь казачий народ, все его имущество, веками нажитое, принесены в жертву за личные интересы, симпатии и привилегии, полученных некоторыми казаками от великороссов. Впредь Атаманов своих с большим разбором выбирайте. Семь раз отмерь, один раз отрежь.

За Дон, за наш седой, славный Тихий Дон, за все Казачество вольное и свободолюбивое, за поля, луга родные, за могилы наших стариков, за свой Порог и Угол, за общий казачий Дом! Отчизна наша — Край Казачий — ждет своих сынов.

Опустели все станицы, точно вымер весь народ. Возродить, восстановить Казачество могут только наши родные Края, наши привольные степи. Для этого нужно освободить свои станицы и хутора от прошлого, чужого элемента.

Чтобы освободить свои земли мы должны быть **сильными и едины.** Объединить нас может только **идея национальная.** Мы — один народ, одна нация. Один за всех и все за одного. В единении — сила!

Мы хотим жить на своей земле так, как желаем, и предоставляем такое же право всем другим народам. Чужое нам не нужно, мы требуем свое и возмем его.

Долой с нашей казачьей земли, из наших станиц и хуторов оккупантов и разрушителей!

Долой иноземное учение Карла Маркса и Энгельса и его последователей Ленина и Сталина, учение все разрушающее и уничтожающее.

Долой красную кровавую тряпку — эмблему всемирной революции, всемирного пожара, всемирного разрушения.

Долой злокачественный нарыв на здоровом теле всего человечества. Долой всемирного врага, врага всего человечества!

Казаки! все под свое казачье национальное знамя, знамя чести и свободы!

Наш девиз: казачья родина, честь и свобода.

Казак Всевеликого Войска Донского **И. К. Гаврилов.**

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

Казачья эмиграция

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

1) Зачисляю в списки Округа В. К. — **С. М. Патрикеева**, казака Оренбургского войска, с 1 мая с. г. — в состав ВК станицы имени Атамана **К. Булавина**, в г. Туркуане; **П. Е. Ильенко**, казака Кубанского Войска, с 15 мая с. г. — в состав В. К. куреня в г. **Монтуа**; **М. Астахова** и **П. Корнеева**, казаков В. В. Д., с 1 июля в состав ВК станицы имени ген. **Т. М. Старикова**, в г. **Ромба**.

2) Утверждаю перевод **Г. Т. Шерстюка**, казака Кубанского Войска, из ВК станицы имени **А. Кулабухова** в г. **Тулузе** — в состав ВК куреня, в г. **Бордо**; **Ф. Хохлаева** — казака В. В. Д., из ВК станицы имени ген. **Т. М. Старикова**, в г. **Ромба** — в состав ВК куреня в г. **Монтуа**; **М. М. Флизанова**, казака Кубанского Войска, из числа прикомандированных к ВК округу — в состав ВК станицы имени полк. **Е. Грузинова**, в г. **Кнютанже**; все с 15 июня с. г.

3) Исключаю из списков Округа ВК — **И. Мисикова**, казака В. В. Д., согласно поданного заявления в правление ВК станицы имени **А. Кулабухова**, в г. **Париже**, с 30 мая с. г.; **В. Махукова**, казака В. В. Д., согласно приговора ВК хутора имени Атамана **К. Булавина** в г. **Марселе**, от 3 июля с. г.

4) Утверждаю личный состав ВК группы джигитов имени **К. Бардижа**: под'ес. **Шепель** — шеф-администратор, уряд. **Матякин** — шеф строевой части, подхор. **Какоткин**, подхор. **Елисеев**, уряд. **Жданов**, каз. **Гуреев**, каз. **Радкевич**, каз. **Санко**.

5) Утверждаю правление ВК куреня в г. **Бордо**, избранное на куренном сборе 24 апреля с. г., в составе: Куренный Атаман — подхор. **И. В. Чуприна**, писарь — **А. М. Дьяновский**.

6) Единодушной поддержкой ряда ВК организаций оказана душевная материальная поддержка, нуждавшемуся в специальном лечении писарю ВК станицы имени ген. **Мамонтова** в г. **Каркассоне** — **Л. Л. Арженевскому**. Последний, благодаря отзывчивости казаков, спасен и ныне снова в состоянии зарабатывать кусок хлеба для своей многочисленной семьи. **Спасибо всем, отзывавшимся на призыв о помощи!**

7) Отмечаю энергичную деятельность: Атамана — **С. М. Антипова** и правления ВК станицы имени Атамана **К. Булавина** в г. **Туркуане**, Атамана — хор. **М. А. Ассерецкова** и правления ВК станицы имени ген. **Т. М. Старикова** в г. **Ромба**, **К. М. Самсонова** и правления ВК станицы имени полк. **Е. Грузинова** в г. **Кнютанже**, Атамана — **М. Ф. Белова**, пом. Ат. — **М. М. Горелова** и правления ВК станицы имени Атамана **Каледина**, в г. **Крезе**, Атамана — **В. Г. Чукарина** и правления ВК станицы имени полк. **В. Чернецова** в г. **Кастельнодари**, Атамана — под'ес. **И. С. Губина** и правления ВК станицы имени ген. **Мамонтова**, в г. **Каркассоне**, Атамана — уряд. **Зарудного** и правления ВК хутора «**Черный Всадник**» в г. **Труа**, Атамана **С. Чепурного** и правления ВК куреня имени **К. Бардижа** в г. **Виши**.

Окружной атаман: **А. Ленивов**.

— « —

В СОШО.

Против клеветы и провокации.

8-го сего мая состоялось чрезвычайное общее собрание Бельфорской ВК имени **Н. С. Рябова** станицы (в помещении грузинской столовой, в Сошо).

Атаман станицы **И. А. Тищенко**, открывая собрание, сказал: Станичники, начало 1938 года принесло нам большую горе. Как вы знаете, после перевыборов нашего правления на 1938 г., состоявшихся 23-го января, врагами казачьего национального движения на нас был сделан донос французским властям.

В чем нас обвиняли доносчики, так нам и не удалось узнать, но по той следственной процедуре, кото-

рой подверглось наше правление, мы имеем полное основание предположить, что «обвинение» было построенное на лжи и неправде, доказательством чего служит то, что со стороны французских властей никаких репрессий по нашему адресу не последовало.

Несмотря на то, что мы были уверены в нашей полной невинности перед французским государством, т. к. станица существует с разрешения властей и мы аккуратно исполняем все законы и распоряжения, касающиеся эмиграции, все же это время пришлось пережить нам в некоторой тревоге. Тревога наша усугубилась еще больше тем, что почти в то же время в Югославии был арестован наш Походный Атаман **И. А. Билый**. Как в нашем случае, так и в случае ареста нашего Атамана, лежат почти те же «обвинения»: ложь и неправда.

Кто явился главным обвинителем при аресте нашего Походного Атамана, мы пока не знаем. Но, по имеющемуся у нас сейчас печатному материалу: журнал «Кавказский казак» №№ 141-142 за 1938 г., «бюллетень № 11» «Центрального Правления Казачьей национальной партии» за 1938 г. и газеты «За Родину» — орган НТСНП №№ 65-66, — видно, если не прямых обвинителей, то вполне сочувствующих грубому насилию над нашим Походным Атаманом, а, следовательно, и над всеми нами, вольными казаками. С этим материалом я и предлагаю ознакомиться и вынести соответствующее постановление.

Станичный сбор предложение атамана принял и приступил к чтению.

Подробно ознакомившись с содержанием всего имевшегося в наличии материала, сбор единогласно постановил.

1. Выступить на страницах нашего журнала в защиту нашего Походного Атамана инж. **И. А. Билого** и всего Вольного Казачества от тех ни на чем не основанных обвинений, от той лжи и неправды, какие возводятся на нас, вольными и невольными врагами национального казачьего движения, имеющего единственной целью — создание единого самостоятельного казачьего государства Казаккии, и

2. Просить Походного Атамана настоящий приговор напечатать в одном из номеров журнала «ВК».

— Господин Атаман и все братья казаки, заранее просим вас всех не быть строгими судьями нашего крика изболелшей казачьей души, изложенного в настоящем приговоре. Может быть, вы найдете в нем отсутствие последовательности, увидите повторение того, что уже не один раз говорилось и писалось на страницах нашего журнала. Мы не считаем себя «интеллигентным кадром», а как думаем, так и говорим своим казачьим простым языком.

Итак, начнем с журнала «Кавказский казак».

Именуемый себя Войсковым Атаманом Кубанского Войска ген. **Науменко**, в своем приказе, помещенном в «воскресшем» № 141 «Кавказского Казака», в пункте 3, пишет: «В последних номерах журнала «Наша Станица» помещен ряд выпадов против меня и представительства вообще, в частности же, нашел возможным выступить в № 9-10 этого журнала со своей статьей и бывший Войсковой Атаман ген. **А. П. Филимонов**, обвиняя в ней меня в тайном заговоре с ген. Врангелем и др., направленном против Кубанской Рады и его, ген. Филимонова. Я не считаю возможным дать ныне же надлежащий ответ ген. Филимонову, прежде всего не время и не место, а затем и потому, что обстоятельство, которых он коснулся в своей статье, подлежат подробному исследованию будущего историка».

Да, г. Науменко, не место и не время отвечать Вам ген. Филимонову, т. к. правду писать Вы не можете, ибо этим сами подтвердите факт предательства Вами казачьих интересов в угоду русским генералам, подтвердите свою виновность в деле разгрома Кубанской Рады, в смерти одного из лучших борцов за казачью долю и волю **А. И. Кулабухова**, вину свою в отходе Кубанской армии к берегам Черного моря и слаче ее в руки красной армии на позор, издевательство и нечеловеческие страдания, о чем вот уже 10 лет пишет журнал «ВК».

Писать же неправду, Вы сами хорошо знаете, что не можете, т. к. есть много живых свидетелей страшной Казачьей Голгофы, на которой распято Казачество и по настоящее время, благодаря таким казачьим Иудам, как Вы. Не даром говорят, правда в воде не тонет, хотя и хотел утопить ее русский «преобразователь» Петр I-й, луская по Дону плоты с повешенными казаками, и в огне не горит, как хотела сжечь ее русская царица Екатерина II-ая, уничтожая Запорожцев огнем и мечем.

Ген. Науменко, не ссылайтесь на будущего историка, ибо мы теперь знаем хорошо, как «беспристрастно» писалась история Казачества в прошлом, когда борцов его С. Разина, Е. Пугачева, К. Булавина, Некрасова и др., русские историки иначе не называли, как ворами и разбойниками, а казачье освободительное движение — бунтом. Поэтому нам не трудно догадаться, что и в будущей истории о казачье-русской войне 1918-1919 г. г. историю напишут Ваши «братья» Давыды, Штрандманы, Воняцкие, Солоневичи и др., со звериной ненавистью относящиеся к нам, казакам, за наше желание жить в своем казачьем доме без указки русского барина. Нет, г. Науменко, находясь за пределами тюрьмы народов, есть время и место свободно высказать все плохое и хорошее, которое было допущено в войне Казачества с русскими всех цветов, а не прятаться за спину русского «историка».

Но, если угодно, мы можем Вас утешить: казачьи историки Вас безусловно осудят, как осуждают Вас сейчас живые казаки.

— « » —

В § 4 своего приказа ген. Науменко пишет: «5 февраля с. г. в г. Белграде был арестован кубанец Игнат Билый, именующий себя вольно-казачьим Походным Атаманом, который прибыл из Болгарии и проживал в Белграде в течении нескольких дней без прописки в полиции. По имеющимся данным он имел у себя «польский паспорт».

В газете № 65/7 «За Родину» НСНП в статье «Обглоданные кости» читаем: «4-5 февраля в Белграде и иных крупных самостийнических очагах произведены аресты многих самостийников всех направлений. Среди арестованных «походный атаман» Игнат Билый, приехавший с ЧЕШСКИМ ПАСПОРТОМ в Югославию... И дальше: «главное обвинение, предъявленное Билому, — связь с большевиками... Можно с уверенностью сказать, что И. Билый ряд лет прикрывался маской самостийничества — по указу ГПУ и был, как социалист, его преданным слугой».

А московская «Правда» сообщает вот что: «24 января из Берлина прибыл международный авантюрист, известный уголовной полицией и контрразведкам многих европейских стран, некий Билый, СОСТОЯЩИЙ НЫНЕ НА ИЖДИВЕНИИ У «ГЕСТАПО» (См. журн. «ВК», № 240).

Мы нарочно воспроизвели подробно выдержки из приказа г. Науменко, газеты «За Родину» и отзыв советской газеты «Правда», чтобы наглядно показать, как враги Казачьего национального движения, русские люди всех политических партий, изошраются во лжи о причинах ареста нашего Атамана.

Г. Науменко, как видно из вышеприведенного, Вы не успели сговориться с Вашими братьями, как белыми так и красными, — как лучше и безопаснее совершить второй Кубанский разгром.

Что русские белые и красные брешут таким наглым образом — для нас это понятно. Ведь давно известно, начиная с образования Руси, что ее князья, а потом и цари, никакими средствами не брезгали для достижения целей своей великодержавной политики.

Мы также не удивились бы и брехне Науменко, если бы он не именоваз себя Войсковым Атаманом Кубанского Войска, хотя им он никогда законно не выбирался и не имел такой бы наглости, как оповещение о случившемся в своем «приказе» на страницах своего журнала, чем выдал себя с головой в том, что еще один раз принял активное участие в походе на борцов за национальное спасение Казачества.

Г. Науменко, вы пишете, что И. Билый приехал в Югославию с польским паспортом, а Ваши братья национальнички пишут — с чешским. Сообщая сие, подумали ли Вы, что в Вашем и Ваших национальничков сообщении полное отсутствие логики? Мы и другие казаки хорошо знают, что Югославское правительство дав-

но установило дипломатические связи с государствами Польским и Чехословацким и что в данное время между этими государствами никакого конфликта нет. Поэтому паспорт одного из названных государств не может служить поводом для ареста. Кроме этого, мы также знаем давно, что новая русская власть лишила нас своего, т. е. русского подданства, поэтому у нас в данное время другого паспорта, как иностранного, не может быть... Разве, например, Нансеновские паспорта — наши, казачьи?

Под тем же § 4 дальше читаем: ... «десятилетнее натравливание казаков против Русского народа, издаваемым И. Билым журналом «Вольное Казачество» дало свои первые плоды... Этот журнал... продолжал по прежнему проникать... ведя пропаганду, на средства из сомнительных источников, идей сепаратизма, острой вражды к русскому народу и раскалывать казачье единство».

Г. Науменко, будьте честны и справедливы, скажите и укажите во всеуслышание, какой вред причинило Казачеству русскому народу, благодаря натравливанию на него казаков журналом «ВК», издаваемым нашим Походным Атаманом? Хоть один волос упал с головы русского мужика, хоть одна капля крови пролилась у русского барина? Вы этого не можете указать. А Ваша матушка Россия и ее сыны, вместе с Вами, потоками казачьей крови залили казачьи земли там, на Родине, и здесь пытались казачьей кровью обогреть чужую землю...

Дальше указываете, что журнал «ВК» издается на средства «из сомнительных источников», а скажите на какие средства издается Ваш журнал «Кавказский казак» и русские газеты за границей? Разве мы, казаки националисты, не в одинаковых с Вами находимся условиях?

Если казаки откликнулись на Ваш призыв и дали в основанный Вами «Фонд спасения Родины», вернее, дали на борьбу против себя 107.781 дин. (см. журн. «Кавказский казак» № 4 (118), 1933 г.), то на свой родной журнал, призывающий нас только к спасению Казачества от Ваших братьев, полонивших наши Родные Края, даем вдвойне, а когда потребуетсЯ отдадим все — и свои жизни!

«И не удивительно, что это обстоятельство, да тайное проживание И. Билого в Белграде вызвало принятие со стороны полиции мер как в отношении его, так и в отношении лиц, с ним соприкасавшихся», — так продолжает писать Науменко в своем приказе.

Итак, г. Науменко, то, что Вы сообщаете, как причины, послужившие поводом к аресту нашего Походного Атамана и других казаков националистов, настолько абсурдно, что ни один здравомыслящий казак, в чем мы абсолютно уверены, этой Вашей брехне не поверит. Мы же, казаки националисты, самым решительным образом протестуем против вопиющей несправедливости, возведенной на нашего Походного Атамана, и еще сильнее объединимся вокруг идеи Национального возрождения Казачества под его водительством.

Нет, г. Науменко, причины ареста нашего Походного Атамана и с ним казаков националистов заключаются в том, что эти честные борцы борются за освобождение своего народа из-под ига Ваших братьев, безразлично каких, белых или красных. Это Вы занимаетесь натравливанием Югославянской полиции на казаков, а не ВК натравливает казаков на русских людей, как Вы изволили сказать в своем приказе.

И да будет Вам известно, г. Науменко, что белградские аресты казаков националистов послужат на будущее большим уроком не только казакам самостийникам, но и тем, которые пока не стали еще под знамя «Черного Всадника», на котором казачьем кровью написано: «Казакция наша цель, наш девиз казачья воля!». Раз навсегда запомните, что для достижения своих целей, казаки националисты борются честным, открытым печатным словом. Наши же враги русские люди, и Вы вместе с ними, боретесь с нами ложью, клеветой и провокацией.

В заключение своего приказа г. Науменко пишет: «К вам, кубанцы, я обращаюсь снова и с тем же: — берегите казачьи интересы. Они не в проповеди сепаратизма и отталивании от русского народа, но в нашей преданности матери России, своему Войску и в нашей сплоченности». Вы, г. Науменко, призываете быть преданными матери России, но, к сожалению, не

указываете, какой России. Ведь уже двадцать лет существует Ваша мать, только под новой властью. Другой России нет и никогда ее не будет, может меняться только ее власть. Значит, Казачество должно быть предано матери России, независимо от того, какая в ней существует власть — так надо понимать Вашу проповедь?

Какая же это мать Казачеству, когда ее власть, монархическая или теперешняя советско-социалистическая, старались всеми возможными средствами задуть своих сынов казаков? Обратимся к времени Петра I-го. Для подавления Булавинского восстания на Дону за свою независимость, посылая кн. Вас. Долгорукова, Петр I-ый повелел ему: «Ходить по тем городкам, которые приступают к воровству (т. е. восстанию), и оные жесть без остатка, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанию к воровству людей; ибо сны сарынь, кроме жесточи, не может унята быть»...

В результате этого «высочайшего и всемилостивейшего повеления помазанника Божия и Богом данного государя», было истреблено казаков в порядке репрессий от 7 до 10 тысяч человек, не считая погибших в боях. (См. журн. «ВК», № 96, стр. 12). Не менее жестоко уничтожала Запорожцев и Екатерина II-ая в 1775 г.

А святейшие и преосвятейшие патриархи и епископы и все русское духовенство испрашивало Божие благословение и молило Всевышнего Творца о ниспослании русскому царю победы и одоления «врага» и «супостата»...

А как отнеслась к Казачеству, восстановившему свою самостоятельность в 1917 году, новая, не монархическая, русская власть? Если Вы, г. Науменко, не знаете, разрешите Вам указать. Временное русское правительство, во главе с Керенским и Милюковым, в том 1917 году, мобилизовали два военных округа, якобы, для подавления контрреволюции, а на самом деле для ликвидации восстановленной Донской республики, с ген. Калединым во главе.

Но эта власть не дождалась результатов похода на Дон своей «непобедимой армии» над Казачеством. вследствие своего бегства и куда же? на тот же «погибельный Кавказ», на «контрреволюционный Дон», — для спасения своей драгоценной шкуры от своих красных братьев. Сменившая «товарищей» Керенского и Милюкова власть совета народных комиссаров, во главе с русским дворянином Лениным, воспользовавшись уже мобилизованными корпусами, в начале 1918 года разогнала Донской Круг, расстреляв лучших сынов Великого Дона: Атамана **Назарова, М. П. Богаевского, Волошина**, тысячи казаков и, по примеру Петра и Екатерины, огнем и мечем уничтожала Казачество, полонило его земли, заставив новых «Некрасовцев» искать убежища и защиты на чужой земле.

На это Вы, г. Науменко, скажете, что все это сделано руками большевиков. А кто же в 1919 году в июне месяце в Ростове убил председателя Кубанской Рады Н. С. Рябова? А кто в том же году в ноябре разогнал Кубанскую Радю и казнил А. И. Кулабухова? Ваши же братья русские (только другого цвета) — с Вашей помощью.

Нет, г. Науменко, никто из Казачества, в особенности мы, казаки националисты, больше Вам не поверим и никогда не пойдем с Вами спасать Вашу мать Россию. Мы пойдем только за своим Походным Атаманом, который зовет нас **освободить казачий народ из-под тяжелого русского ига, вырвать Казачество из кровавых лап русского мужика. Дать право своему народу жить под своим небом и солнцем, дышать своим казачьим Воздухом и быть всегда хозяином у себя дома — вот наша цель.** Вам же, Ваше Превосходительство, от всей души желаем довести Вашу роль Иуды до конца и поступить так, как поступил он, предавший Иисуса Христа. Так будет честнее и лучше, ибо Казачество никогда не простит Вам «дел» Ваших, оно свой приговор уже вынесло.

—«—

Теперь перейдем к бюллетеню № 11 «Центрального правления казачьей национальной партии», которое «осчастливило» и нас, прислав свой бюллетень в наши края.

В начале бюллетеня, под § 1, пролив крокодиловы слезы по поводу ареста Походного Атамана ВК И. А.

Билого, читаем: «Центральное Правление Казачьей Национальной Партии, организационно ничего общего не имеет с г. Билым; ни руководителем, ни, тем более, Походным Атаманом, оно его не признает; вот уже 5 лет, как центр. правление находится по отношению к нему в состоянии открытой и самой активной борьбы. Но борьба эта вызвана причинами внутреннего характера».

Г. г. «центральное правление», если вы не признаете И. А. Билого ни руководителем, ни Походным Атаманом ВК, выбранным добровольно самими казаками, то кто же признает вас «Центральным правлением», где и когда вас выбирали и много ли у вас последователей?

И. А. Билого избрало само Казачество и добровольно ему подчиняется, как честному и верному патриоту, отдавшему все свои силы и здоровье на борьбу за Национальное возрождение Казачества, ведущего к созданию единого, сильного государства Казачии. Подтверждением его работы является рост рядов вольных казаков, о чем всегда сообщается на страницах журнала «ВК». Ваше же «центральное правление» в течении пяти лет только и делало, что поносило И. А. Билого и его сотрудников и, кроме того, за это время разделилось само почти на пять правлений и теперь каждое считает себя «законным», а других тоже поносит...

Ваше заявление, что вы пять лет находитесь по отношению И. А. Билого в состоянии открытой и самой активной борьбы, при чем, никогда не указываете обоснованных причин к этой борьбе (да их вы и не можете указать, ибо их нет), производит на нас такое впечатление, что этим самым **вы сознательно помогаете нашим врагам.**

Честные и активные работники казачьего освободительного движения, если они не преследуют личных интересов, не должны уходить из объединения, созданного большим трудом. Этого повелительно требует долг и обязанность каждого честного казака — сделать все для спасения Казачества от окончательного его уничтожения красной Москвой. Вы же, «центральное правление», не указав ни одного примера деятельности И. А. Билого, направленного против национальных интересов Казачества, ушли. Поэтому ваш уход из освободительного казачьего движения, возглавляемого И. А. Билым, считаем вызванным только неудовлетворенностью ваших личных интересов.

В § 1 под литером В бюллетеня читаем: «Оно отменяет установленный принцип единоличного руководства без ответственных и достойных заместителей и помощников и без опоры для центра в лице верных идей, активных и способных работников, составляющих кадр движения».

Скажите откровенно, г. г. «центральное правление», на ком же и кем же ведется освободительная казачья работа вот уже одиннадцатый год, давшая столько положительных результатов, если в этом движении отсутствуют активные и способные работники? По вашему, все казаки патриоты, работающие на казачьей ниве, ничто. Только вы считаете себя способными и активными.

Дальше читаем: «Но мы крайне поражены и возмущены позорными поступками «Югославянского вольнок. окружного атамана инж. Н. Ф. Букина. То, что он допустил, это — акт низменной трусости, идейной неустойчивости и вероломства не только по отношению к Билому, но и всему каз. нац. движению»...

Вот здесь «центральное правление» показало себя во всей своей красе... Мы глубоко опечалены и горячо сожалеем, что окружной атаман Н. Ф. Букин своим бюллетенем распустил свой округ, но мы не можем его так строго осудить и совершенно уверены в том, что сделал он это не по своей воле. Мы твердо уверены, что Н. Ф. Букин подписал текст бюллетеня, заранее составленный врагами Казачьего Национального движения.

Судя по содержанию бюллетеня, помещенного в журнале № 142 «Кавказский Казак» за 1938 г., Н. Ф. Букин, наряду с роспуском округа, призывает казаков не забывать о ведущейся борьбе и не распыляться. Опускаем первую часть бюллетеня, где он указывает, что, по постановлению Югославянских властей, объявляет округ распущенным, дальше пишет: «Помните, родные станичники, чтобы не случилось, мы не должны

падать духом, так как дали клятву бороться за освобождение нашей родины от коммунистов-большевиков, поработивших нашу кормилицу-степь, прекрасные берега Дона, Кубани, Терека, Яика и т. д. Час борьбы настал, главный толчок и вспышка будет там, на Родине, и мы не должны распыляться не должны считать борьбу законченной... Выше голову, братья казаки! Бог в помощь... Слава Казачеству!

Как видно из вышеприведенного, между началом бюллетеня и его концом есть большая разница...

«На случае Билого центральное правление получило наглядное подтверждение правильности своей организационной системы и порядка...

... Полная остановка работы крыла «ВК» в связи с арестом и сидением в тюрьме одного только Билого бесспорно доказывает негодность единоличной системы руководства в нашем деле. Необходим центр коллективный из ответственных, способных и верных идее лиц».

Итак, «Центральное правление» считает негодным единоличную систему руководства в нашем деле, что подтверждается для них случаем с П. Атаманом. Но почему же, «центральное правление» с того момента, когда оно отказалось работать с И. А. Билым, создав коллективный руководящий центр из ответственных, способных, активных, равноправных и верных идее лиц, снова разделились на несколько центров?

И что же дал ваш коллективный центр за это время казачьему освободительному движению? Решительно ничего. Разве только, что считать два журнала с одинаковым названием, насыщенного преимущественно грубою руганью, подтасовкой «фактов» против своих противников. Пошло рядовое казачество за вашими «интеллигентными» работниками? Нет, не пошло и не пойдет.

Стоит ли создавать коллективное управление в нашем деле для того, чтобы поделиться на несколько правлений, как разделились Вы? Нет, мы не можем позволить себе такую роскошь, слишком дорого обошлись такие дела Казачеству в прошлом.

У вас — полное отсутствие добровольной и сознательной дисциплины, на чем сейчас построено все ВК освободительное движение.

Поэтому, еще раз повторяем: мы выбрали себе Походного Атамана и будем ему добровольно подчиняться.

«Центральное правление» самым бесчеловечным образом хочет добить Н. Ф. Букина. Но оно позволило не менее грубую выходку и в адрес других работников национально освободительного движения. Вот что читаем на стр. 2 бюллетеня: ... «Таковы и другие нынешние биловские «столпы»... Это люди, из которых не бывает ни надежных друзей, ни опасных противников, а только подхалимы и предатели. Вот почему первый публичный голос в защиту Билого раздался не из среды его ближайших сотрудников, как этого можно было ожидать, а со стороны затравленного Билым же Балинова».

Мы самым решительным образом протестуем против такого оскорбления, брошенного центральным правлением «столпам». Оно ни чем решительно не обосновано и, кроме этого, в лице их оскорбляются все вольные казаки. Такие незаслуженные выпады могут вызвать только большую ненависть среди казаков к вам, г. г. «центральное правление», и навсегда положить конец надежды на примирение...

Авторы бюллетеня, к сожалению, не указывают ни времени, ни печатного органа, где напечатана «защита» нашего Атамана г. Балиновым. Но, если «центральное правление» считает таковой защитой статью «Первое испытание», помещенную в журнале № 6-7 «Казачьего Голоса», то ни мы, да и никто, кто читал эту статью, не можем назвать ее защитой.

Что же сделано казаками националистами в защиту своего Походного Атамана, мы считали и сейчас считаем совершенно ненужным доводить до сведения «Центрального Правления».

В своем послании «Центральное правление», после того, как хлестнуло Походного и окружных атаманов, а, следовательно, и всех казаков, признающих последних, в заключение пишет: «Пора нам объединиться и надлежащим образом организовать наши верные силы. На нашем пути не мало будет трудностей. Тот, кто не чувствует в себе готовности к опасности

и лишениям, не должен и в мирной обстановке выдвигаться вперед, чтобы в ответственный момент своею трусостью не ставить под удар общее дело».

Из этого обращения «центрального правления» не видно и не указано, вокруг кого объединиться, во-первых, каким путем организовать наши верные силы, во-вторых, и, в третьих, кого оно считает верными силами. Как видно, существующее вот уже почти одиннадцать лет ВК объединение, в которое вошли верные и идейные работники, возглавляемое всеми признаваемым своим Походным Атаманом инж. И. Билым, «центральное правление» не признает. Как будто выходит так, что объединяться нужно вокруг него и из него же организовать верные силы, но само «центральное правление» в течении небольшого срока разделилось на несколько правлений, т. е. не объединяется, а разединяется.

Г. г. «Центральное правление», если вам дорог казачий народ, а не ваши личные интересы, опомнитесь, забудьте споры и неурядицы, это только идет на пользу нашим врагам, не пытайтесь создавать другого объединения, а кто честен из вас, кто патриот, идите, вернее вернитесь в отчий дом. Мировые события каждый день приближают нас к моменту, когда мы должны будем показать свои способности, проявить свою любовь и патриотизм ради спасения своего народа от тех страшных мучений и страданий, которые переносит он там от красных оккупантов.

Все честные и искренние борцы за национальное возрождение Казачества, ушедшие по тем или другим причинам из существующего казачьего освободительного движения, возглавляемого Походным Атаманом И. А. Билым, должны вернуться под знамя «Черного Всадника», чтобы совместными силами ускорить час освобождения нашей казачьей родины — все равно от каких оккупантов, красных или белых, и **создать свое единое, неделимое, сильное казачье государство Казачию.**

—«—

Дальше станичный сбор переходит к рассмотрению статьи, напечатанной в газете «За Родину», № 65/7, озаглавленной «Обглоданные кости».

Если бы в этой статье, от которой неимоверно прет большевистским духом, не затрагивалось доброе и честное имя нашего Походного Атамана и др. братьев казаков, мы не обратили бы на нее внимания, тем более, что автор ее оказался большим трусом и не подписался полностью под своей пакотней, а поставил только «К. К.».

В связи с белградскими арестами, г. К. К. пишет: «Главное обвинение, предъявленное Билому — связь с большевиками: письменная с родным братом Антоном и встреча с Саввой Крикуном; оба ответственные служащие ГПУ, в 1932 г. спровоцировали восстание в Тихорецкой...».

Дополним за Вас, г. К. К.: подавленное Вашими братьями самым жесточайшим, не слыханным во всем мире террором, какой способна выдумать и применить только Ваша «святая Русь».

И дальше читаем: «Можно с уверенностью сказать, что И. Билый ряд лет прикрывался маской самостоятельности по указу ГПУ и был, как социалист, его преданным слугой».

Входить подробно в содержание этой заметки, мы считаем совершенно бесполезным и доказывать, что это плод фантазии больного человека, равносильно битьею головою о каменную скалу, или доказывать, что братья Солоневичи не служили верою и правдою больше десяти лет товарищу Сталину и каким то «чуждом» удалось им «бежать» со всею семьею, или доказывать, что большой и выдающийся русский писатель Куприн не поехал с верноподданническими чувствами на поклон тому же Сталину.

Г. г. нацмальчики и К. К., не расбрасывайте вашим добром, не подкидывайте нашему Походному Атаману русского дитя — коммунизма и социализма, рожденного и воспитанного на протяжении нескольких десятилетий русской интеллигенцией и аристократией и так с большой радостью принятого всем русским народом в 1917 году, который вот уже двадцать лет «процветает» на вашей земле.

Не даром ваш соотечественник П. Н. Милоков сказал: «Я могу без труда все простить Сталину, когда речь идет о существовании советского союза». (См.

газету «Возрождение» от 20 мая, № 4132). Комментарии здесь излишни, — сказано коротко и ясно.

Мы тоже скажем коротко: **Казачество** в целом как тогда не приняло коммунизма и социализма, так и теперь не воспримет его. Оно боролось и будет бороться, пока не осуществит своей заветной мечты: восстановление своей независимости, отнятой русскими царями, и русскими коммунистами и социалистами.

Слава Казачеству! Слава нашему Походному Атаману!

Подписали: атаман станицы: **И. Тищенко**, помощник атамана **Н. Березлев** и писарь-казначей: **Ф. Жуков**.

—«»—

ВК в Польше

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Переизбранное 19 июня 1938 г. станичное правление ВК станицы, организации вк эмигрантов в г. Острове Мазовецком, в составе **А. И. Третьяков** — атаман, помощник атамана, он же и писарь **Петр Зозулин**, хор. **Михаил Третьяков** — казначей, согласно статута, сроком на один год, утверждаю.

В ревизионную комиссию избраны: **Федор Сафонов**, **Константин Солодков** и **Иван Кондратьев**.

2. Зачисляю в Округ, в состав ВК станицы, организации казаков эмигрантов в Острове Мазовецком, ВВД ур. **Семена Шишкина**, ВВД хор. **Косачева И. И.** и ВВД ст. ур. **Константина Меркулова**.

Приветствую новых бойцов за казачью Волю.

3. Объявляются на III-й окружной с'езд ВК в Польше делегаты: атаман **А. Третьяков** и **Константин Меркулов**, а кандидатами — хорунжий **М. Третьяков** и **Платон Родин**.

Основание: сообщение атамана ВК станицы — организации казаков эмигрантов в Острове Мазовецком от 3-УП-1938 г. за № 18.

Окружной атаман: **Ф. Штовхань**.

В ОСТРОВЕ МАЗОВЕЦКОМ

19 июня 1938 г. состоялся станичный сбор организации казаков эмигрантов в Острове Мазовецком, на территории государства Польского.

На этом сборе, при открытии, обращаясь к казакам, станичный атаман **А. Третьяков** предложил почтить вставанием память Маршала И. Пилсудского и всех братьев казаков, павших за Волю Казачества.

После этого, ст. атаман говорит, что прошло много времени с тех пор, как казаки вынуждены были покинуть свою родину и что за это время много пережили они в эмиграции, а может быть, еще больше перестрадали наши братья в Родных Краях, а десятки, сотни тысяч казаков — в ссылке... Пересматривая причины казачьего несчастья, с уверенностью можно сказать, что одной из главных причин было — это наше **разъединение** и борьба не за свой Порог и Угол. Поэтому, в приближающейся новой буре — больших мировых событиях — мы должны поставить для себя первым вопросом: **независимое Казачье Государство**.

Будущие мировые события будут решать вопрос территории бывшего юга России. В решении этом мы должны принять участие и способствовать тому, чтобы этот вопрос был решен в пользу **Казачества**, а для этого нужно быть организованными и тесно сплотиться около идеи ВК.

Слава Казачеству! Слава Походному Атаману ВК! Слава нашему окружному атаману в Польше!

После этого сбор приступил к решению вопросов повестки дня. На этом сборе переизбрано станичное правление: атаманом **А. И. Третьяков**, помощником атамана и писарем **Петр Зозулин**, казначеем — хор. **М. Третьяков**.

В ревизионную комиссию — **Федор Сафонов**, **Константин Солодков** и **Иван Кондратьев**, а делегатами на III-й окружной с'езд ВК в Польше: **А. И. Третьяков** и **Константин Меркулов**, а кандидатами — хор. **М. Третьяков** и **Платон Родин**. (Соб. кор.).

В Родных Краях

НЕУДАЧИ ОККУПАНТОВ

В прошлом номере журнала мы привели часть отчета из ростовского «Молота» о 1-ой Ростовской областной партийной конференции, имевшей место в Ростове 7-12 июня с. г. Сейчас даем его окончание — в сокращенном, конечно, виде.

В своей заключительной речи тов. **Б. Двинский** (секретарь Ростовской обл. организации компартии, заменивший на этом посту **Евдокимова**) особенно подчеркнул, что «партийная организация, мнение которой отражает конференция, будет самым энергичным образом выявлять и бить всех и всяческих врагов, ликвидировать последствия вражеской работы и попытки вредительства...»

Передовая статья «М» 14-го июня, посвященная закрытию и итогам работ конференции, озаглавлена весьма громко: **«К новым победам»**.

Когда же зовут кого к новым победам, то это предполагает, что перед тем он одержал уже какие-то старые победы. Но мы должны признаться, что при самом внимательном чтении отчета о ростовской конференции, мы не видели там **никаких побед**. Наоборот, там говорится только о **неудачах...**

О том же говорит и сама передовая «К новым победам». Вот некоторые выдержки из нее:

«Конференция подвела **итоги борьбы** и строительства областной партийной организации за отчетный год. Подвергнув развернутой критике и самокритике **недостатки** в работе, конференция наметила программу деятельности ростовских большевиков на ближайший период...»

«Перед областной партийной организацией стоят сложные, ответственные задачи:

«Неуклонно повышать революционную бдительность, преодолевать идиотскую болезнь — политическую беспечность, с большевистской непримиримостью и беспощадностью громить **врагов** народа, вернуть последовательную и решительную борьбу за

ликвидацию последствий **вредительства...**

«Не менее важной задачей является дальнейшее смелое выдвижение инициативных и способных работников на руководящую работу...»

«Партийные организации области должны обеспечить дальнейший всемерный подъем партийно-политической работы. Надо решительно покончить с чуждым большевизму бездушно-бюрократическим отношением к людям, членам партии...»

«Надо... в кратчайший срок ликвидировать недопустимое **оставание отдельных отраслей промышленности**, добиться выполнения плана каждым производственным предприятием области...»

«Залогом дальнейшего подъема производства является выкорчевывание до конца **вражеского охвоста** на производстве, скорейшая ликвидация **последствий вредительства**, смелое выдвижение на хозяйственную работу **новых молодых работников...**

И т. д., и т. д.

—«»—

Более подробно остановимся на **резолюции**, принятой конференцией

Начинается она так: «Заслушав и обсудив отчетный доклад тов. Двинского о работе Ростовского Областного Комитета ВКПб, 1-я Ростовская обл. партийная конференция признает политическую линию Р. О. К. партии правильной и практическую работу **удовлетворительной**».

— Эта небольшая «присказка» совсем не гармонирует, как сейчас увидим, с очень длинной дальнейшей «сказкой». В самом деле:

«Конференция... отмечает, что в практике работы Областного Комитета ВКП(б) его первым секретарем тов. **Евдокимовым** было допущено грубое нарушение... большевистского принципа подбора кадров. Вопреки требованию партии о подборе кадров по политическому и деловому признакам, кадры подбираются по осуж-

денному партией принципу семейственности. Тов. Евдокимов не извлек до конца уроков из факта длительного пребывания у руководства краем врагов, оказался политическим слепцом.

«Только вмешательство Центрального Комитета партии в ноябре 1937 года положило конец неправильной политической линии по ряду коренных вопросов работы и дало возможность Ростовской областной парторганизации исправить допущенные грубые ошибки.

«Ростовские большевики... провели большую работу по разоблачению и разгрому троцкистско-бухаринских и других агентов фашизма, пробравшихся на различные посты в партийные, советские и хозяйственные организации области, по ликвидации последствий их вражеской деятельности.

«Ростовская областная партийная организация, устраняя недостатки в партийной работе..... добилась значительного улучшения всей партийно-политической работы...

«Конференция отмечает, что важнейшим итогом отчетного года, в особенности последнего периода, является смелое и широкое выдвижение на руководящие посты во всех отраслях работы новых большевистских кадров. Полностью оправдались указания товарища Сталина о том, что талантов у нас десятки тысяч, что надо их только найти и выдвинуть во время.

«Конференция подчеркивает, что основой дальнейших успехов во всех областях социалистического строительства является неуклонное осуществление решений февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), под 'ем партийно-организационной, партийно-политической и хозяйственной работы, выкорчевывание до конца троцкистско-бухаринских, японо-германских агентов фашизма, скорейшая ликвидация последствий их подрывной деятельности, смелое выдвижение на руководящую работу преданных партии молодых способных кадров и систематическое большевистское их воспитание»...

— Далее следует такое постановление (которое приводим ниже в выдержках):

«1. Областному Комитету партии, всем парторганизациям области и впредь строго руководствоваться указаниями ЦК ВКП(б) и товарища Сталина о выдвижении кадров по признаку их политической и деловой пригодности, максимально усилить работу по воспитанию и помощи молодому, вновь пришедшему к руководству партийному, советскому и хозяйственному активу.

«Отмечая развертывание работы по росту партии, особенно за вторую половину отчетного периода, в основном за счет лучших, преданных делу партии людей промышленности и сельского хозяйства нашей области, конференция считает неудовлетворительным рост рядов партии за счет лучших производственников колхозов и совхозов, особенно из числа советского казачества...

«Предложить Обкому обратить особое внимание на парторганизации, где работа по приему в партию обстоит неудовлетворительно...

«Конференция обращает особое внимание Обкома и всех парторганизаций на работу с кандидатами и сочувствующими и на необходимость широкого их привлечения к практической деятельности...

«Конференция поручает Обкому и всем парторганизациям неуклонно руководствоваться решением январского Пленума ЦК ВКП(б) и указаниями товарища Сталина об индивидуальном подходе к члену партии и изжитии формально-бездущного, бюрократического отношения партийных руководителей к судьбе отдельных членов партии, о решительной борьбе с клеветниками, перестраховщиками и карьеристами...

«Конференция требует решительно поднять партийную дисциплину и чувство ответственности каждого коммуниста и всех парторганов в деле выполнения партийных решений, борясь с роняющими достоинство большевика проявлениями мелкобуржуазной недисциплинированности, разболтанности, расхлябанности...

— «» —

2. Областная партийная конференция считает, что в деле воспитания, большевистской закалки и воору-

жения коммунистов марксизмом-ленинизмом имеется целый ряд серьезных недостатков. Тот факт, что еще пятая часть коммунистов областной парторганизации и третья часть сочувствующих совершенно не охвачена партийной учебой, свидетельствует о том, что ряд партийных организаций области продолжает недооценивать и отодвигать на второстепенные позиции этот важнейший участок партийно-политической работы...

... В результате качество и дисциплина в партийной учебе продолжают оставаться на неудовлетворительном уровне. В сети партийного просвещения еще много всякого рода недостатков: текучесть и пропуск занятий, самовольная реорганизация сети, частая смена пропагандистов, плохая помощь коммунистам в подготовке к занятиям, в работе над литературой и т. д. В ряде райпарторганизаций имеет место сезонность в партийной учебе...

«Партконференция поручает Областному Комитету партии и обязывает все парторганизации области навести большевистский порядок в системе партийного просвещения...

Конференция считает, что дело подготовки выборов в Верховный Совет РСФСР в нашей области как в части развертывания агитационно-пропагандистской работы, так и в части обеспечения организационно-технических вопросов избирательной кампании продолжает оставаться не на должной высоте.

— «» —

3. Конференция считает, что борьба за ликвидацию последствий вредительства в промышленности проводится недостаточно. Это является результатом того, что руководители предприятий не перестроили своей работы в соответствии с решениями февральско-мартовского (1937) Пленума ЦК ВКП(б) и указаниями товарища Сталина. По ряду крупнейших предприятий — Ростсельмаш, «Красный Аксай», угольные тресты, железнодорожный и водный транспорт и другие, несмотря на все имеющиеся возможности и громадную помощь, оказанную партией и правительством (кадрами, средствами и техническим оснащением), не было обеспечено выполнение плана как в 1937 году, а также и в первом квартале 1938 года.

«Все это явилось результатом недостаточной борьбы за выкорчевывание вражеского охвоста, ликвидацию последствий вредительства. Областной Комитет партии и парторганизации недостаточно руководили вопросами организации производства, социалистического соревнования, стахановского движения.

«Конференция обязывает Областной Комитет партии и всю парторганизацию области по-большевистски мобилизовать силы и принять все меры к быстрой ликвидации недопустимого отставания промышленных предприятий...

«Конференция отмечает недостаточное внимание областных организаций вопросам угольной промышленности. Тресты «Шахтантрацит», «Несветайантрацит» и «Ростуголь» недостаточно уделяли внимания вопросу подготовительных работ, являющихся важнейшим условием для устойчивого роста угледобычи. Конференция обязывает Областной Комитет партии и руководство трестов обеспечить безусловное выполнение плана подготовительных работ наравне с планом угледобычи...

«Конференция обязывает Обком ВКП(б) и всю парторганизацию обратить особое внимание на работу местной промышленности, особенно ее строительной отрасли, а также обратить внимание на расширение местной промышленности за счет освоения местного сырья, отходов производства, полезных ископаемых, имеющих на территории Ростовской области.

«В повседневной работе руководителей партийных организаций необходимо принять все меры к быстрейшему устранению последствий вредительства в области охраны труда и техники безопасности, к усилению охраны самих предприятий от вредительства и диверсий.

«Отмечая огромное политическое и хозяйственное значение поднятия экономики северных казачьих районов области и насыщения их промышленными предприятиями, конференция поручает Обкому специально разработать этот вопрос и обеспечить необходимые мероприятия по конкретной реализации этой задачи.

«Отмечая плохую работу органов коммунального хозяйства и неудовлетворительную работу по ликвидации последствий вредительства в городском хозяйстве, в результате недостаточного внимания к этому важнейшему делу со стороны местных партийных и советских органов, конференция обязывает Обком и местные парторганизации укрепить органы коммунального хозяйства проверенными кадрами, оказывая им систематическую помощь в работе...

«4. Конференция отмечает неудовлетворительную работу железнодорожного и водного транспорта, в особенности в деле выполнения качественных показателей (оборот вагонов, оборот паровозов, погрузка важнейших государственных грузов, отправление и проследование поездов и судов по графику и т. п.)...

Конференция обязывает руководителей водного транспорта на территории области:

а) окончательно ликвидировать вредительскую практику эксплуатации флота на износ, организовать полный и своевременный ремонт судов. Немедленно приступить к подготовке зимнего ремонта судов с таким расчетом, чтобы план судоремонта был безусловно выполнен;

б) решительно вести борьбу с аварийностью, детально расследовать каждый случай аварии и принимать конкретные меры к выявлению и наказанию виновных;

в) подготовить склады и суда к бесперебойным перевозкам урожая, максимально механизировать разгрузочно-погрузочные работы и широко внедрить стахановские методы погрузки.

Конференция обязывает начальника дорог и ПОДОР, начальников парохозяйства и политотделов парохозяйств, совместно с территориальными парторганизациями, сосредоточить свое внимание на подъеме массового стахановского движения, на борьбе за железную трудовую дисциплину, за слаженность в работе всех служб.

Конференция обязывает всех коммунистов, работающих на железной дороге и водном транспорте, личным примером показывать свою боевую готовность на деле быть в первых рядах стахановцев, овладевающих техникой дела, дающих образцы в своей работе.

Конференция обязывает все горкомы и райкомы ВКП(б), а также соответствующие хозяйственные организации ликвидировать преступную, антигосударственную практику передержки вагонов и судов под грузовыми операциями и обязывает полностью и безоговорочно выполнить договорные условия между клиентами и транспортными организациями по обороту вагонов и срокам погрузки судов, а также своевременно освобождать складские помещения железной дороги, портов и пристаней, упорядочить пригородное движение на железной дороге.

Горкомы и райкомы ВКП(б) должны установить жесткий контроль и привлекать к партийной ответственности людей, срывающих выполнение государственного плана.

Конференция обязывает Обком и Горком ВКП(б) оказывать всемерную помощь в деле развертывания партийно-политической работы на транспорте, в особенности, в деле воспитания вновь выдвинутых молодых партийных кадров...

5. Успешное проведение весеннего сева 1938 года, небывалая политическая активность колхозного крестьянства в организации и проведении межколхозного крестьянства в организации и проведении межколхозного соревнования еще лишний раз свидетельствуют о величайшей преданности колхозного казачества(?) и всех колхозников области делу большевистской партии, делу социализма.

«Конференция обязывает Обком принять все меры к выкорчевыванию врагов, окопавшихся в сельском хозяйстве, к скорейшей ликвидации последствий вредительства в сельском хозяйстве, для чего предлагает в первую очередь следующие мероприятия:

«Провести упорядочение земледелия в области, установив наличие пахотно-пригодных земель по каждому району, колхозу, совхозу в отдельности. «В текущем году разрешить вопросы, связанные с ведением правильных севооборотов в колхозах и совхозах, последовательно внедряя травопольную систему, как источник повышения урожая и улучшения кормовой базы животноводства.

«Покончить с запутанностью и недооценкой вопросов семенного дела, взяв под особый контроль семеноводческие колхозы, совхозы и семенные участки в колхозах, укрепив их лучшими специалистами и тракторными бригадами, добиться образцовости работы и проведения установленных для семеноводческих хозяйств требований агротехники и обеспечить полную сохранность семенного материала, не допуская его разбазаривания и порчи.

«Конференция обязывает Обком и все парторганизации области заняться действительным проведением мероприятий по организации ремонтной базы МТС, зерносовхозов, обеспечить проведение круглогодичного ремонта тракторов и своевременный ремонт комбайнов и других сельскохозяйственных машин...

«В целях быстрой ликвидации последствий вредительства в животноводстве, ветеринарном деле и организации действительной борьбы за оздоровление поголовья всего животноводства, конференция поручает Областному Комитету:

Принять конкретные мероприятия по увеличению поголовья в колхозных товарных фермах и по ликвидации бескоровности колхозных хозяйств. Обратит особое внимание на развитие и сохранение конского поголовья, упорядочить ветеринарное дело в области, обеспечив его всем необходимым для проведения нормальной лечебной и профилактической работы...

«Поставить центральной задачей мобилизацию масс на успешное выполнение всех сельскохозяйственных работ текущего года, добиваясь новых производственных побед в сельском хозяйстве, особенно уделив внимание делу своевременного и качественного проведения уборочных работ...

«Образцовая уборка высокого урожая 1938 года является боевой задачей партийной организации области. Конференция обязывает все партийные организации поднять бдительность масс и их производственную активность на тщательную подготовку и проведение этой задачи...

«Конференция обязывает партийные организации области взять под строжайший контроль и обеспечить помощь по строительству и ремонту элеваторов, складов, навесов к приемке урожая 1938 года.

Конференция обязывает Обком и парторганизации области принять меры, обеспечивающие выполнение обязательств совхозов и колхозов, колхозников и единоличников по сдаче хлеба государству, осеннему севу, заблевой вспашке и другим с.-х. работам...

«Конференция считает, что сельские партийные организации до конца не уяснили себе политическое значение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 года «О неправильном распределении доходов в колхозах», не развернули большевистской борьбы за повышение стоимости трудодня колхозников...

«Конференция обязывает Обком пересмотреть направление хозяйств с.-х. районов, расположенных вокруг крупных промышленных центров, с тем, чтобы они обеспечивали потребности городов в сельскохозяйственных и мясо-молочных продуктах.

Конференция отмечает, что существующая система подготовки колхозных и механизаторских кадров не обеспечивает в полной мере требований возросшей техники социалистического сельского хозяйства и требует коренной перестройки, направленной на то, чтобы дать более высокую техническую квалификацию тракторным бригадам и трактористам.

«Конференция отмечает крайне недостаточное число женщин, обучающихся в механизаторских и межрайонных школах. Директора МТС, заведующие райзо и райкомы партии проявляют недостаточное внимание к делу подготовки механизаторских и колхозных кадров из числа женщин.

«Конференция обязывает секретарей райкомов ВКП(б), заведующих райзо, директоров МТС и совхозов обратить серьезное внимание на максимальное увеличение процента женщин в подготовке колхозных и механизаторских кадров, одновременно принять все надлежащие меры к закреплению подготовляемых механизаторских кадров, не допуская их текучести...

(В свое время боролся с «текучестью» московских крестьян царь Борис Годунов. В результате его мероприятий и получилось «крепостное право». Большевики копируют сейчас Годунова. Ред.).

(Окончание — в след. номере).

Принимается подписка на 1938 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.